

Лейтенант Моуэтт

Время перемен

18+

Лейтенант Моуэтт

Время перемен

«Автор»

2026

Моуэтт Л.

Время перемен / Л. Моуэтт — «Автор», 2026

Во времена революционного террора друзья предают друзей, на улицах царит беспощадная толпа, а влюбленные должны заплатить самую высокую цену. В 1793 году офицер британского флота Натан Пик патрулирует английское побережье в поисках контрабандистов и получает свой шанс, когда Франция объявляет войну Англии и погружается в кровавое безумие Террора. Пик поручают разрушить французскую экономику, провозя контрабандой фальшивые банкноты. Это приводит его на улицы Парижа, полные жестоких санкюлотов, и в зловещие катакомбы под французской столицей. По мере того как сопротивление Террору растёт, Пик борется за выполнение своей миссии и за спасение жизни женщины, которую он любит.

© Моуэтт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I–ЖЕРМИНАЛЬ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Время перемен

I–ЖЕРМИНАЛЬ

Время прорастания¹

ПРОЛОГ – Смерть в Париже, январь 1793

Это было время, когда, выходя на улицу, нельзя было быть уверенным, что вернешься домой живым и невредимым. Можно было погибнуть совершенно случайно, без всяких на то причин, от рук фанатиков на улицах или в результате проведения сомнительной юридической процедуры, проводимой властями, которая была более медленной, но не менее кровопролитной. Прятаться дома не имело смысла, потому что они знали, где вы живете, а если и нет, то соседи им обязательно сообщили бы. Ваш лучший друг мог оказаться доносчиком, а домовладелец патриотом, спешившим донести на вас с революционным пылом, особенно если вы задерживали арендную плату. Город находился на осадном положении, тюрьмы были переполнены, лавки пустовали. Каждый день приходилось правдами и неправдами добывать еду и топливо, чтобы выжить. Лекарства на черном рынке продавались на вес золота, и те могли оказаться подделками. И хуже всего было быть больным, или беременной, или старым.

Или королем. Она смотрела из окна, как мимо проезжала карета, увозившая его на судебный процесс во Дворец правосудия. Наемный экипаж, к тому же довольно обшарпанный, запряженный в старую клячу, с барабанщиками, идущими впереди и отбивающими дробь. В остальном улицы были совершенно пусты, ведь людям было сказано не стоять и не плясать, а большинство окон были закрыты ставнями.

Разумеется, его признали виновным: иначе и быть не могло. А потом его убили. Она не пошла смотреть, хотя многие ходили. Потом говорили, что толпа была в необычайно торжественном настроении, а он умер со спокойным достоинством.

Услышав об этом, она только усмехнулась. Вот я бы точно не умирала со спокойным достоинством, сказала она. Я бы кричала и визжала всю дорогу. Чтобы этим сволочам мало не показалось. Чтобы они знали, что они с тобой делают, свиньи проклятые. Чтобы поняли весь ужас, который творят.

Она представила, каково это, подниматься по этим ступеням со связанными руками и обнаженной шеей, с трясущимися ногами, пока там, наверху, тебя ждет эта Вещь. Гильотина. Или "гуманная и научная машина для казни", как называли ее революционеры без видимой иронии.

В ту ночь, когда она сидела и читала, она увидела глаза, смотрящие на нее через окно, и руки, прижатые к стеклу, мокрые от крови. Возможно, это было просто ее воображение, – в последнее время ей снились кошмары, – но с тем, что происходило на улицах, это вполне могло быть и реальностью.

"Жаль, что я не оставила хотя бы кошку", записала она. "Хочется увидеть что-нибудь живое, ведь смерть в стольких ее ужасных обликах совсем завладела моим воображением... В первый раз в жизни я не могу заставить себя задуть свечку".

Ее друзья думали, что теперь будет война с Англией. Это были американцы, живущие в Париже, писатели, как и она сама, и такая перспектива казалась им одновременно тревожной и волнующей. Она отвергла эту идею. "Зачем, чтобы отомстить за смерть французского короля? Сомневаюсь", ответила она. Но в глубине души она ни в чем не была уверена. Люди всегда находили причины начать войну.

Это была ночь на 21 января 1793 года.

Глава 1 – Черный логгер

Ночь была темной и холодной, даже для первого месяца года, с пронизывающим ветром, дувшим через Ла-Манш из Франции. В такую ночь надо было сидеть дома у пылающего камина с кружкой горячего пунша, а не болтаться у побережья Сассекса, безуспешно пытаясь вести войну с контрабандистами. Натаниэль Пик, командир и штурман брига "Нерей", прислонился к ближайшему из шестнадцати орудий, подняв воротник плаща и глубоко засунув подбородок в шарф, и бросил тревожный взгляд на знакомый силуэт мыса Сифорд-Хед по левому борту. Даже в такую ненастную ночь, когда край луны то появлялся, то исчезал из-за рваных облаков, он мог различить линию прибоя у его подножия. Он испытывал обычное для моряков уважение к подветренному берегу и мысленно видел скалы, на которые в былые времена во время отлива карабкался со своей сетью для ловли креветок.

"Мы должны идти, прижимаясь к берегу, чтобы застать их врасплох", проинструктировал его старший чиновник таможенной службы мистер Суэйлс, который присоединился к ним в Шорхэме, – до нелепости типичный представитель своей профессии, с таким высоким мнением о собственной компетентности, что Натан, из чистого предубеждения, был склонен в ней сомневаться.

Это побережье Натан знал очень хорошо. За мысом была бухта Какмир-Хейвен, где он впервые ступил в морские волны, крича, как ему рассказывали позже, но не от страха, а от того, что его няня не давала ему броситься дальше в воду. Здесь же он спустил на воду первую лодку и взял курс на Америку, но слабый ветер и строгий учитель вернули его к реальности. А однажды летом, ночью, когда домочадцы думали, что он давно в постели, он, присев на корточки на вершине утеса, наблюдал за контрабандистами, высаживающими свой груз, – флотилией маленьких лодок в гавани и длинной вереницей пони и носильщиков, бредущих вдоль Какмира со своей незаконной добычей.

Они должны были быть там и сегодня ночью, если информация, полученная таможенным чиновником, была верной; по всей вероятности, это были те же самые люди, потому что с тех пор, как Натан видел их в последний раз, прошло всего десять лет. Он представил, как поливает их свинцом, и помотал головой от абсурдности этой идеи. Хотя еще до утра это вполне могло случиться.

Он перешел на наветренную сторону небольшого пространства, которое ему нравилось называть своими шканцами, – хотя "Нерей", как и все суда его класса, имел гладкую палубу, – и посмотрел через море на черную полосу облаков, скрывавшую настоящего врага на юге. Франция и Англия находились в состоянии войны большую часть этого столетия и снова должны были вступить в нее еще до его окончания, если верить тому, что пишут в газетах. И все же в течение тех десяти лет, которые Натан прослужил на флоте, царил мир, и у них было очень мало врагов, с которыми нужно было сражаться, за исключением нескольких несчастных аборигенов в Южных морях и нахальных пиратов в Карибском море. И, конечно, контрабандистов.

В ясном небе на востоке сверкнула молния и раздался слабый треск, который стыдно было называть раскатом грома. Через мгновение забарабанил дождь. Натан отошел от борта и, подняв бровь, посмотрел на мистера старшего таможенника Суэйлса, как бы спрашивая, было ли все это частью его плана, хотя и прекрасно понимая, что это не так. Этот джентльмен облегчил душу ругательством и затопал ногами по палубе, возможно, полагая, что он путешествует в почтовой карете и таким образом может понудить свой транспорт увеличить скорость. Натан заметил вопросительный взгляд своего первого лейтенанта, мистера Джордана, и приказал ему бить боевую тревогу, хотя и не горел желанием сражаться с людьми, которым он – по крайней мере, наполовину, – симпатизировал и которых, вероятно, знал с детства, поскольку на побережье Сассекса контрабанда была образом жизни. Насколько ему было известно, многие из батраков его отца были заняты в нелегальной торговле и за несколько часов, перевоза ящики с контрабандным бренди и табаком, зарабатывали больше, чем могли бы получить на ферме за неделю.

Натан пробрался вперед сквозь бегущих на свои места матросов и снова уцепился за передние ванты, чтобы, как только они минуют Хоуп-Пойнт, сразу увидеть, как обстоят дела. До мыса было уже рукой подать, и с каждой минутой он становился все ближе. Их спутник, маленький таможенный куттер "Барсук", уже поворачивал почти в фордевинд, огибая мыс. Затем он резко повернул в наветренную сторону, встав бортом к берегу и выдвинув свои четыре маленьких 4-фунтовых орудия, которые вряд ли напугали бы шлюпку торговца провиантом, но могли бы устроить настоящий ад на этом открытом участке берега. Это место ясно предстало перед мысленным взором Натана: крутой галечный берег, широкая плоская болотистая местность за ним и утесы Семи Сестер, тянущиеся к Бичи-Хед.

Когда они обогнули мыс, луна внезапно вышла из-за несущихся по небу облаков, и в ее свете, отраженном от белых скал, весь берег предстал перед ними, как на ладони. Там был именно такой хаос, какой Натан и ожидал, хотя он и подумать не мог, что кто-то может допустить такую элементарную ошибку.

Драгуны вышли на берег не с той стороны реки, или же наблюдатель, дежуривший на скале, подал сигнал приближающимся лодкам сменить место высадки. Как бы то ни было, солдаты застряли на западном берегу Какмира, а контрабандисты оказались на восточном. Даже в темноте Натан мог видеть, как они бегут вдоль берега к пологому склону Хейвен-Броу, — их было больше ста человек и еще полсотни пони, — а драгуны загоняли своих лошадей в реку и палили из карабинов, не имея ни малейшей надежды во что-нибудь попасть. Вдоль подножия скал маленькая флотилия лодок спасалась бегством в сторону Бичи-Хед, а дальше, примерно в полутора километрах к востоку, на фоне белых холмов Семи Сестер, виднелся тот самый черный люггер.

— Это же "Удача"! — заорал старший таможенный инспектор, чуть не приплясывая от волнения и указывая пальцем. — Наша добыча, сэр.

"Удача" была главной темой его разговоров с тех пор, как они покинули Шорхэм: большой, быстроходный люггер с десятью 6-фунтовыми пушками и командой из примерно сотни человек, что делало его более чем достойным противником для любого из куттеров таможенной службы и служило главной причиной присутствия здесь судна военно-морского флота. Во время американской войны люггер был снаряжен в Ньюхейвене, якобы в качестве каперского судна, но теперь было известно, что он был занят только на перевозке контрабанды (как, по всей вероятности, и было с самого начала). Его обычным делом было переправлять нелегальные грузы из одного из портов на французской стороне пролива и перегружать их на шлюпки у берегов Сассекса.

Очевидно, именно за этим занятием его и потревожили, и теперь он мчался в открытое море на всех парусах, какие только мог поднять, а маленький таможенный куттер следовал за ним по пятам. Конечно, шансов догнать его не было, не говоря уже о том, чтобы сразиться с ним на равных, но если люггер потеряет хотя бы одну часть рангоута, "Нерею" этого будет достаточно, чтобы догнать и прикончить его. К несчастью, шкипер люггера был того же мнения, и когда "Барсук" приблизился к нему, он повернул еще круче к ветру и на поднимающейся волне дал бортовой залп, звук которого был больше похож на раскат грома, чем все, что Натан слышал в эту ночь.

Он смотрел прямо на люггер и на мгновение был ослеплен вспышкой, а когда снова смог видеть, то оказалось, что "Барсук" был серьезно поврежден: фор-стенгга была сбита, а на баке громоздился хаос парусов и такелажа. Натан уже вел бриг так близко к ветру, как только мог, но ему пришлось отвернуть в сторону, чтобы избежать столкновения, и он подошел к куттеру с подветренной стороны и спросил, не нужна ли ему помощь. В ответ шкипер разразился целой чередой ругательств, из которых можно было понять, что Натану было бы лучше заняться поимкой нападавшего, но взгляд, брошенный им в сторону люггера, свидетельствовал об обратном. У Натана была слабая надежда пройти у люггера за кормой и обстрелять

продольным залпом издалека, но теперь было ясно, что ему повезет, если он приблизится к вражескому судну хотя бы на километр, а после этого их курсы будут неуклонно расходиться.

Он услышал, как таможенный чиновник спросил, почему они не пустились в погоню, и предоставил младшему мичману с особенной важностью объяснить, что люггер, оснащенный продольными парусами, может плыть по крайней мере на румб ближе к ветру, понимаете ли, тогда как бригу, с его прямыми парусами, пришлось бы лавировать галсами против ветра, что имело бы смысл, только если бы ветер переменялся или люггер по какой-то причине замедлил бы ход. Натану следовало бы заняться поиском шлюпок контрабандистов, которые все еще крались вдоль подножия утесов в надежде, что их никто не заметил. Но ему претила мысль о том, чтобы задержать нескольких бедных рыбаков, в то время как настоящий преступник благополучно возвращался во Францию. Лучше было проследовать в кильватере люггера, каким бы тщетным это ни было, и надеяться, что главный таможенник не сообразит предложить альтернативную стратегию до тех пор, пока не станет уже слишком поздно.

Он уже собирался отдать приказ, когда заметил взгляд одного из младших офицеров. Этот взгляд был несколько задумчивым и полным сдержанной осторожности, и он заставил Натана отложить маневр на пару минут, пока он обдумывал, что бы это могло значить.

Мартин Талли был уроженцем Гернси, который присоединился к "Нерею" на месяц или два раньше Натана. Первый лейтенант объяснил ему, что Талли, как и каждый второй мужчина на Нормандских островах, раньше был контрабандистом, помощником шкипера на шхуне, захваченной у острова Уайт, команде которой был предоставлен выбор: поступить добровольцем в Королевский военно-морской флот или ответить по всей строгости закона. Он начал службу в ранге умелого моряка, но предыдущий командир "Нерея" быстро повысил его до помощника штурмана. У Натана сложилось лишь поверхностное представление о способностях Талли, но он нашел его достаточно приятным и, безусловно, компетентным офицером, с тихим голосом, манерами джентльмена и без всякой заносчивости. Казалось, он старался не высовываться, опасаясь получить выговор, что было не удивительно, учитывая его опыт контрабандиста. Что касается его происхождения, то Натан слышал, как двое мичманов шептались о том, что он был побочным сыном одного дворянина с Гернси. Это, возможно, было выдумкой, которую он сам и сочинил, чтобы завоевать их уважение, поскольку оба они, конечно, были сыновьями джентльменов и отъявленными снобами, которые уважали бы незаконнорожденного сына аристократа гораздо больше, чем законного отпрыска какого-нибудь торговца или мещанина. И все же он, казалось, не был склонен к выдумкам, и в его лице и осанке было что-то такое, что, как подумал Натан, заставило бы их его уважать, независимо от происхождения. Натан решил познакомиться с ним поближе, но эта возможность ускользнула, как и многое другое в его нынешней должности. Теперь он присоединился к Талли у поручня и, ответив на его приветствие и минуту-другую посозерцав горизонт, спросил, что тот думает об их погоне за удаляющимся противником.

– Что ж, сэр, – сказал он. – сейчас, полагаю, он хочет увеличить расстояние между нами, насколько это возможно, за как можно более короткое время, и поэтому будет плыть как можно круче к ветру.

– А потом? – нетерпеливо спросил Натан.

– А потом, думаю, он пойдет к устью Соммы.

– Соммы? – Натан, конечно, знал это место по картам, хотя никогда там не бывал: широкое устье реки примерно на полпути между Дьеппом и Булонью. Но почему к Сомме? Ведь Дьепп, казалось, был более логичным выбором.

Талли, казалось, обдумывает этот вопрос, хотя по его лицу сложно было что-то прочесть. Возможно, он знал что-то, но считал благоразумным не раскрывать все карты.

– Это ведь "Удача", полагаю, из Ньюхейвена? – произнес он.

– Да.

Талли кивнул.

– Капитаном на ней служит человек по имени Уильямс, – по крайней мере, так было, когда я в последний раз слышал о нем, всего несколько месяцев назад. Уроженец Сассекса, в прошлом капер, но в Сен-Валери у него есть женщина, и он проводит там больше времени, чем в любом английском порту, хотя его команда в основном состоит из англичан и американцев.

Сен-Валери. Натан снова вспомнил карты и понял, что это место находится на южном берегу Соммы, очень близко к устью, – порт намного меньше Дьеппа или Гавра, используемый, в основном, рыболовными судами.

– Я думаю, он направится туда, – сказал Талли. – как только поверит, что мы отказались от погони.

Он говорил без всякой самоуверенности, совсем не пытаясь придать своим словам значимости, но Натан был склонен полагать, что он точно знает, о чем говорит. Вопрос был только в том, хотел ли он помочь погоне или помешать ей.

Натан присоединился к первому лейтенанту, который слушал их разговор у борта, а на его лице было написано подозрение или неодобрение, а, может, и то и другое вместе.

– Мистер Джордан, полагаю, мы возьмем курс на Сомму, – сообщил ему Натан бодрым тоном, скрывавшим его собственную неуверенность, – и посмотрим, принесет ли это нам *удачу*.

Глава 2 – Сомма

Французское побережье по правому борту было по-прежнему скрыто черной тучей, но "Удача" пока продолжала играть с ними в кошки-мышки. Дважды "Нерей" замечал ее, – или судно, подозрительно на нее похожее, – но каждый раз она исчезала в этом ведьмином вареве из тумана и дождя, закрывшем запад. Сейчас, в середине дня, они лежали в дрейфе у французского побережья почти в устье Соммы. Ненастное утро сопровождалось дождевыми шквалами, а море и небо будто кто-то бросил в какой-то мрачный котел и перемешивал до тех пор, пока их невозможно стало отличить друг от друга.

За ночь ветер значительно стих, но все еще дул с юго-запада с достаточной силой, чтобы удержать "Нерей" против течения с разбрасопленными реями. И пока ветер был попутным, Натан был уверен, что сможет настичь свою жертву, если она попытается проскользнуть мимо него в Сомму. Если они вообще туда собирались.

День проходил, и его все больше одолевали сомнения. Судя по взглядам, которыми они обменивались, большинство его офицеров разделяли эти сомнения. Ему не доверяли. Командовал он недавно, и, по их мнению, еще не прошел испытательный срок. Естественно, они были преданы Джордану, первому лейтенанту, которого обошли с повышением. И еще меньше они доверяли бывшему контрабандисту, который, возможно, отправил их по ложному следу, чтобы спасти старого знакомого от виселицы.

Натан присоединился к Талли, который стоял у борта и вглядывался в темноту на западе.

– Что за человек этот Уильямс, – спросил он. – шкипер "Удачи"?

Талли скорчил гримасу.

– Я видел его всего один раз, – ответил он. – но много слышал. Это тщеславный человек, жадный и хвастливый. Думаю, он довольно хороший моряк, но он мне не понравился.

И поэтому он был готов его предать? Или для этого была более благородная причина? Может, потому, что он дал присягу служить королю? Но о таких вещах не спрашивают, – по крайней мере, Натан не стал бы, – и, кроме того, теперь отступать было поздно. И офицеры будут оценивать его по тому, как все пройдет. К счастью, старший таможенный инспектор Суэйлс спустился вниз, чтобы отоспаться, ведь он опустошил большую флягу в те ночные часы, когда Натан в тревоге маялся на палубе.

Он размышлял о том, почему это его так тревожило, почему он ночь не спал из-за какого-то там контрабандиста. Дело было совсем не в чести, ведь о какой чести могла идти речь на

таком задании? Может, в случае успеха начальство бы его похвалило, но самоуважения это точно бы не добавило. Вопрос тут был, прежде всего, в его собственной компетентности. Или в том, считал ли он себя достойным командовать кораблем.

Сомнения такого рода начали одолевать его с того момента, как он ступил на борт "Нерея", а, возможно, и раньше, в течение долгих месяцев, проведенных на берегу на половинном жаловании. Он прослужил на флоте десять лет, и ему казалось, что теперь уже поздно было задумываться о том, не выбрал ли он неправильную карьеру, и все же он все больше склонялся к мнению, что так оно и было.

Первые несколько лет он был вполне счастлив, – сначала мичманом в вест-индской эскадре, а затем лейтенантом на гидрографическом судне в Южных морях, – но ему посчастливилось избежать многих ограничений и формальностей, которые были нормой на Королевском военно-морском флоте. Когда в 91-м году команду "Гермеса" списали на берег, он провел на суше почти восемнадцать месяцев, в основном в Лондоне, и обнаружил, что есть много способов проводить свое время, кроме как на палубе военного корабля, с товарищами, для которых военно-морской флот не был единственным способом существования.

А потом ему предложили командование "Нереем". Это назначение стало неожиданно, и он подозревал влияние своего отца. Отец Натана, сэр Майкл Пик, участвовал в трех войнах против французов и вышел в отставку в звании контр-адмирала, но у него все еще были друзья на высоких постах, и он всегда был готов использовать свои связи в интересах сына. Натан сначала хотел отказаться от этого предложения, что означало бы конец его карьеры, но это разбило бы сердце его отца. Кроме того, что еще ему оставалось делать? Он немного рисовал, писал стихи, интересовался астрономией, учился играть на флейте, – занятия обычного праздного джентльмена, стремящегося к самообразованию. Он боялся, что если позволит себе сосредоточиться на каком-либо из этих увлечений, то может обнаружить, что у него совершенно нет таланта.

И все же Натан не мог отделаться от мысли, что, согласившись принять это назначение, он проявил трусость. И беспокойство никак его не покидало. Он испытывал постоянное чувство стесненности, которое не мог до конца понять, хотя физическая теснота была очевидна на судне длиной всего в тридцать метров и шириной десять, набитом более чем сотней офицеров и матросов.

Но дело было совсем не в этом. Правда была в том, что он любил море, но не военный флот. И, конечно, ситуация усугублялась тем, что он занимался всего лишь поимкой контрабандиста изысканных вин и бренди высшего качества, находясь в распоряжении таможни Его Величества.

К западу от них прошел еще один шквал. Натан встал, разминая затекшие конечности, подошел к наветренному борту и стал смотреть на дождь вдалеке. Казалось, что он идет скорее вверх, чем вниз, как будто облака пополняли свои запасы из океана. Ему хотелось бы попытаться запечатлеть этот образ на холсте, но он мог себе представить, что подумали бы об этом его подчиненные, не говоря уже о таможенном чиновнике Суэйлсе, если бы тот, наконец, пробудился ото сна.

"Господа, осмелюсь доложить, что командир и штурман военного шлюпа "Нерей" отказался от погони, более десяти часов шел к берегам Франции, а потом установил мольберт с холстом на палубе и принялся изображать живописные виды. После чего мы были вынуждены слушать, как он импровизирует на флейте. В это время контрабандисты успешно скрылись".

Да, это бы разрешило все его терзания по поводу карьеры морского офицера.

Послышался крик дозорного на мачте, указывавшего рукой в сторону моря, примерно в трех румбах с кормы. С палубы Натану ничего было не видно, кроме этой проклятой пелены

дождя между морем и небом. Может, там вообще ничего и не было, но направление было правильное. Он поднялся по вантам и присоединился к дозорному на мачте.

– Будь я проклят, если все еще его вижу, сэр, – пробормотал матрос, смущенно качая головой и избегая взгляда капитана. – Но клянусь, он там был. Черный люгтерный парус на северо-северо-западе, а потом он исчез, Богом клянусь, как по волшебству.

Натан понял намек, ведь он уже видел выражения лиц матросов на палубе. Они начинали думать, что это судно-призрак, с его-то черными парусами и корпусом. Легендарный корабль с командой из скелетов. Он встал, взявшись за ванты фор-марса, и уставился на плывущую пелену дождя. Ничего. А потом...

– Да, – сказал он. Его голос сейчас напоминал рычание. Он почувствовал, что моряк смотрит на него с удивлением, и почувствовал то же мальчишеское удовлетворение, которое испытывал в таких ситуациях, еще будучи мичманом. Он достал трубу, разложил ее и прижал к глазу. Ему потребовалось всего лишь мгновение, чтобы разглядеть судно, и тут же он услышал ликующий крик дозорного, который тоже снова заметил его. Затем Натан смог сфокусировать трубу и четко увидел люгтер, который направлялся прямо к ним, с ветром позади траверза, а огромные рейковые паруса сильно кренили его в подветренную сторону. Плыви, плыви, родной, мысленно стал он подгонять люгтер. Круто к ветру он не оставил бы им никаких шансов, но если бы он продолжал идти в бакштаг, положение "Нерея" стало бы довольно выгодным. Проблема была в том, что шкипер люггера и сам это прекрасно знал. Он мог мгновенно сделать поворот и ускользнуть во мглу.

Но вот станет ли он это делать? Он никак не мог узнать "Нерей", – по крайней мере, не по тому мимолетному взгляду, который мог бросить на него в темноте возле устья Какмира. И почему бы ему ожидать его появления в устье Соммы? Он мог, конечно, понять, что это военный корабль, но на "Нерее" не было вымпела. Разумеется, он принял бы его за французский корабль, крейсирующий у своего побережья или ожидающий прилива, чтобы войти в Сен-Валери, что он и сам собирался сделать.

Натан соскользнул на палубу и удостоил мистера Талли благодарного кивка, прежде чем сообщил обо всем первому лейтенанту, хотя и не дал ему вызвать вахту внизу. Если люгтер будет следовать прежним курсом, они будут следить за каждым его движением в подзорные трубы, и он не хотел, чтобы на нем что-то заподозрили, – по крайней мере, до тех пор, пока им уже будет не спастись.

– И еще, мистер Харрис, – обратился он к младшему офицеру морской пехоты, стоявшему со старшим из двух мичманов у поручня. – не могли бы вы оказать мне любезность, поддержав ваших людей пока внизу? – Натан не хотел, чтобы красные мундиры на палубе выдали его намерения. – И, возможно, вы будете так любезны передать мои наилучшие пожелания мистеру Суэйлсу, – обратился он к мичману, Эриксону. – и сказать, что я был бы ему признателен, если бы он поднялся на палубу.

"Удача" приближалась очень быстро. Теперь они могли видеть ее с палубы без подзорной трубы и даже различить носовую фигуру, – обнаженную богиню с развевающимися волосами, белыми, как мрамор, – и эти характерные паруса, не совсем черные, но темно-малиновые, цвета запекшейся крови. Сквозь него она не могла пройти, так куда она повернет? Лучше бы с левого борта, чтобы он мог выдавить ее обратно в море. Но просто пройти мимо у нее бы не получилось, ни с какого борта, – по крайней мере, если он выкатит пушки. Один бортовой залп прикончил бы люгтер – если, конечно, у Натана хватило бы духу его дать.

Он перешел к наветренному борту и поднял подзорную трубу, чтобы рассмотреть ближайшую из двух батарей, охранявших вход в Сомму. Никаких признаков жизни, кроме огромного триколора на флагштоке. Шесть орудийных амбразур. Говорят, сорокадвухфунтовые. Он постоянно напоминал себе о том, что Британия и Франция не были в состоянии войны, но

если бы он открыл огонь по другому судну так близко к французскому побережью, что бы они сделали?

Суэйлс, с мутным взглядом и опухшим лицом, остановился рядом с ним. Натан протянул ему трубу. Тот некоторое время смотрел в нее, а потом хрипло произнес:

– Как, будь я проклят...

– А что я могу сделать? – спросил его Натан. – Какая у нас здесь юрисдикция?

– Юрисдикция? – На какой-то момент Натану показалось, что ему сейчас придется объяснять значение этого слова. Суэйлс, уже невооруженным глазом, наблюдал за приближающимся к ним судном. Он облизал сухие губы. – Ну, – начал он. – Мы же можем их взять на abordаж.

– А что мы найдем на борту?

Чиновник, казалось, как-то съезжился, ведь он не хуже Натана знал, что люггер больше не перевозит контрабанду и находится далеко за пределами английских вод.

– Вы можете поклясться, что это то самое судно, которое мы видели у Какмира, – надавил на него Натан. – и которое стреляло по "Барсуку"?

Суэйлс снова воспрял духом.

– Да, готов, – ответил он. – Совершенно в этом не сомневаюсь. А вы?

Натан кивнул. Но это еще ничего не решало. Что на основе таких доказательств решит суд присяжных, особенно в Сассексе?

Люггер немного повернул на ветер, явно собираясь пройти между "Нереем" и берегом. А потом Натан увидел, как его паруса затрепетали и обвисли. Через очень короткое время хлопанье их собственных парусов сообщило ему о том, что они тоже потеряли ветер. Нос судна сразу стало поворачивать в сторону устья Соммы.

Натан прикинул, какие у него были варианты. На "Нерее" были весла, но грести против прилива будет очень трудно. Лучше было бросить якорь в устье реки и ждать, пока снова не задует ветер. Почти наверняка "Удача" поступит так же, потому что она не захотела бы входить в Сомму, пока не будет полная вода, иначе Натан мог бы послать шлюпки и взять ее на abordаж.

Со стороны берега донесся грохот выстрела, и, повернув голову, он увидел клубы дыма над батареей на Пуэнт-дю-Урдель. Через пару секунд высокий столб воды поднялся примерно в кабельтове от их левой скулы. Офицеры посмотрели друг на друга. Натан выругался про себя – больше от раздражения, чем от тревоги. Это предупредительный выстрел, подумал он, чтобы сообщить ему, что они не хотят видеть его в своей реке. Довольно серьезное предупреждение, но...

Однако он ошибался: это был пристрелочный. Мгновение спустя форт исчез в облаке черного дыма, окрасившегося оранжевым, когда остальные орудия открыли огонь. По левому борту море взметнулось несколькими огромными водяными столбами. Одно ядро два раза срикошетило от поверхности и утонуло всего в паре метров от кормы.

– Людей на весла, – скомандовал Натан первому лейтенанту. Голос у него был спокойный, но сердце бешено колотилось. За десять лет службы это был первый раз, когда он был под огнем, – по крайней мере, орудийным, – и это были не маленькие пушечки, как на "Удаче" или даже "Нерее". Это были сорокадвухфунтовые, которых не несли и самые крупные линейные корабли. Даже одно попадание доставило бы "Нерею" серьезные неприятности. Но больше всего Натана расстраивало то, что война не была объявлена.

– Покажите им вымпел, – приказал он первому лейтенанту. Затем, когда Джордан отдал приказ поднять его на флагштоке, он сказал: – Нет. Между реями, – Не хватало еще, чтобы он безвольно свисал с кормы, а французы потом заявили бы, что они его не видели. Пусть знают, что открыли огонь по британскому военному кораблю, и отвечают за последствия.

Они выдвинули весла, и нос судна медленно поворачивался, но Натана беспокоило то, как далеко их занесло в устье Соммы. С обеих сторон виднелись берега реки, и они все еще дрейфовали.

Прогремел еще один залп, на этот раз с другой батареи, на Пуэнт-а-Гайль. На этот раз Натан услышал свист падающего ядра, и фонтан воды взлетел вдоль их правого борта, причем достаточно близко, чтобы обдать палубу брызгами.

Даже при таком плохом освещении они не могли не видеть вымпел. Они открыли огонь по военному кораблю: это было равносильно объявлению войны. Негодование Натана превзошло его беспокойство, и даже когда он осознал серьезность ситуации, странная логика убеждала его, что дальше этого они не пойдут и что, бросив ему вызов, они затем позволят "Нерею" уползти, поджав хвост. Однако они продолжили стрельбу, разрушая его последние надежды. В этот раз обе батареи ударили почти одновременно.

Удивительно, что в шлюп еще не было ни одного попадания. Вода вокруг кипела, а несколько ядер пробили снасти с шумом, напоминая сильный ветер в лесу, но рангоут пока не был поврежден. Натан все еще держал паруса поднятыми в надежде на ветер с берега, но они уныло свисали с рей, промокшие от дождя, а команда из всех сил налегала на весла. Но, несмотря на все их усилия, они едва двигались навстречу приливу, и Натан приказал двум вахтам делать гребки по очереди, так что бриг начал вилять из стороны в сторону, как какая-нибудь неуклюжая лодка, пытаясь сбить артиллеристам прицел. Но наивно было бы думать, что при такой активности батарей они смогли бы избежать попаданий. Одно ядро отскочило от воды и ударило в корпус посередине судна, чуть выше ватерлинии, со звуком, напоминавшим стук большого басового барабана, а другое с громким звоном пробило бакштаг, и звучание адского оркестра дополнилось оглушительным лязгом и глухим стуком в носовой части судна, которые, как Натан не сразу понял, означали, что еще одно ядро попало прямо в становой якорь, расколовшись пополам, причем одна половина взлетела высоко в воздух и упала на палубу, а другая исчезла Бог знает где. Матросы на веслах начинали уставать. Натан и большинство его офицеров присоединились к ним, но, насколько видели его почти ослепшие от пота и брызг глаза, они едва ли держались на месте, борясь с течением.

Когда он почувствовал дуновение ветра на щеке, то подумал, что это было еще одно близкое попадание, но потом увидел, что паруса наполнились ветром. Когда бриг накренился, они сбились со следующего гребка, и Натан растянулся на палубе, запутавшись в руках и ногах окружающих его людей, а офицеры и матросы кричали и смеялись, забыв обо всех правилах приличия и дисциплине. Когда Натан поднялся на ноги и подошел к штурвалу, они уже плыли с хорошим бризом. Он взглянул за корму, где обе батареи выстрелили одновременно, и тут же то место в море, в котором шлюп только что находился, яростно вздыбилось, словно какое-то многоголовое морское чудовище, лишившееся своей добычи. Следующий залп пришелся недолетом за кормой на расстоянии половины кабельтова, а последний оказался пустой тратой пороха. Потом очередной шквал скрыл берег, форты и все остальное.

Натан оглянулся в поисках "Удачи", но она исчезла за пеленой дождя, и он был этим странно обрадован. Он взял курс на Шорхэм, чтобы там избавиться от таможенного инспектора, и запросил у мистера Джордана отчет о повреждениях. Разорванный бакштаг уже срастили, а плотник сказал, что поправит те несколько досок, что были несильно вмяты от попадания в среднюю часть судна. Однако Натана удивил тот урон, который был нанесен ударом ядра в их лучший становой якорь. Сам якорь уцелел, но, как сообщил ему лейтенант, понизив голос от смущения, одна отлетевшая часть ядра разбила галюн.

Натан пошел на нос, чтобы убедиться в этом самому, – скорее с удивлением, чем с тревогой, ведь в его каюте были более цивилизованные удобства. Это команде придется теперь помучиться. Затем он увидел, что носовая фигура, – сам Нерей, морской старец, – потеряла большую часть своей бороды.

– Они просто издеваются, – пожаловался он плотнику, который, как он знал, особенно гордился этой фигурой, чем-то напоминавшей его самого.

Помощник боцмана принес ему половинку пушечного ядра, которое упало на палубу, аккуратно отколотую в том месте, где оно ударилось о якорь, и Натан положил его в брезентовый мешок, надеясь сохранить для потомков память о первом выстреле в новой войне. Ибо французы обстреляли судно Королевского военно-морского флота, и он был уверен, что их светлости не допустят, чтобы это зло осталось неотомщенным.

Глава 3 – "У Kimmu"

Натан сидел в переполненной приемной Адмиралтейства со своим пушечным ядром в ногах, а на сердце у него лежал не менее тяжелый груз. Когда коммодор приказал ему лично явиться с докладом к их светлостям и принести свой трофей с собой в качестве доказательства, у Натана возникли некие иллюзии о славе и даже о продвижении по службе. Война 39-го года началась с похожего инцидента, когда шкипер английского торгового судна, занимавшийся своими совершенно законными делами, потерял ухо в столкновении с испанской береговой охраной у побережья Кубы. Выставленный в парламенте отсеченный орган привел законодателей в ярость, и начались военные действия, которые в народе стали известны как "Война за ухо Дженкинса"². Несмотря на то, что у Натана все части тела были на месте и он не пролил ни капли крови, он придерживался того мнения, что обстрел военного корабля должен представлять собой большее оскорбление национального достоинства, чем нанесение физического увечья моряку торгового флота, и что, учитывая нынешнее настроение парламента и общественное мнение, вполне могло статься, что "шары Пика" или даже "гальюн Пика" смогут приобрести такую же дурную славу.

Ему было приказано отчитаться перед вторым секретарем, но было ясно, что этот чиновник является всего лишь проводником к самому Первому лорду. Однако по прибытии он обнаружил, что в учреждении царит суматоха, поскольку его визит совпал с более драматичными новостями с континента.

Король Франции погиб, – по мнению лондонской прессы, его убили, – и цареубийцы объявили войну Англии. Или же Англия объявила войну цареубийцам, – никто, казалось, не знал точной последовательности событий. Но война началась, флоту было приказано выйти в море, и все офицеры на половинном жалованье в Англии обратились в Адмиралтейство в надежде получить назначение.

Прождав назначенной встречи больше трех часов, Натан проникся всей тщетностью человеческих усилий. Еще через полчаса он сдался и отправился домой, забрав с собой пушечное ядро; в данном случае это был дом его матери в Сент-Джеймсе, где его, по крайней мере, ждал радушный прием, а ядро занимало видное место среди семейных реликвий.

Матери дома не было, что его не удивило, но дворецкий Фиппс заверил Натана, что она скоро вернется. Ему предложили холодную мясную закуску, которую Натан съел на кухне, и горячую ванну, которую он принял в своей комнате. Он наслаждался ванной и раздумывал, не приказать ли принести еще горячей воды, когда со своей обычной бесцеремонностью ворвалась мать и окликнула его из открытой двери, в то время как несколько горничных на заднем плане покраснели и захихикали.

– Мой дорогой сын, – воскликнула она с удивлением и восторгом в голосе. – я уже была уверена, что ты принесен в жертву на алтаре ложного патриотизма.

– Нет, мама, – заверил он ее. – Я старался, как мог, но им нужны были девственники. Я попробую еще раз, когда они не будут так разборчивы.

Она покачала головой, но достаточно осторожно, сохраняя изящность позы и прически. Его мать было нелегко шокировать.

– Так почему же ты в Лондоне? – спросила она, входя в комнату и предусмотрительно закрывая за собой дверь. – а не занимаешься полировкой грот-брасов, сплесневанием шканцев,

или чем вы там еще занимаетесь, когда находитесь в море? Боже мой, а это что? – Она запнулась о сумку с ядром.

– Пушечное ядро, – объяснил он.

Она боязливо посмотрела на сумку.

– А что оно здесь делает?

– Я его привез из Франции, – сообщил он. – чтобы показать в Адмиралтействе.

– Натан, у них что, своих ядер нет? И что ты во Франции делал?

– О, как обычно, дурака валял, – ответил он со вздохом. – Ты, наверное, слышала, что у нас вроде как война идет.

Она устроилась в кресле у камина, предварительно повернув его, чтобы иметь возможность наблюдать за его омовением.

– Что ж, я, конечно, не жду, чтобы ты со мной согласился, – начала она. – но это очень печальный день для Англии, когда она решает объединиться с прусскими и австрийскими тиранами в подавлении свободы и равенства.

Братство, очевидно, имело более низкий статус в представлениях его матери об Утопии.

Леди Кэтрин Энн Пик, известная своим друзьям как Китти, родилась в Нью-Йорке в семье американца и французенки, что делало ее практически дикой людоедкой в глазах цивилизованного общества и в какой-то мере объясняло более причудливые стороны ее натуры. Они с отцом Натана уже несколько лет жили порознь, – с тех пор, как он уволился со службы и выразил намерение разводить овец в Сассексе. Ей было сорок три года, и в этом она сразу не призналась бы и самой инквизиции, когда ей уже показали орудия пыток, а ее поклонники, в целом, считали, что она находится в расцвете сил. Ее критики, составлявшие значительное большинство, были менее благосклонны, но даже они были склонны больше придирается к ее мнениям, чем к внешности, которую считали поразительной. Хотя, как они неизменно добавляли, то же самое говорили и о Мессалине³. Ее поклонники были скорее склонны сравнивать ее с Клеопатрой, которой "краса не блекнет от годов, и исчерпать невозможно в ней дивного разнообразия чар"⁴, как любила повторять Китти, и хотя Натана передергивало от подобных сравнений, он мог понять, почему его мать могла вызывать подобные бурные эмоции.

В то время как враги клеймили ее как коварную распутницу, друзья превозносили такие ее достоинства, как благородство души, безупречный цвет лица и превосходный интеллект, хотя последнее считалось для женщины сомнительным достоинством. Благодаря таким качествам и небольшому состоянию, леди Кэтрин удалось занять довольно высокое положение в определенных кругах общества. Ее салон в Сент-Джеймсе, расположенный прямо через парк от лондонской резиденции короля, привлекал самых ярких его критиков. Поскольку среди них когда-то были сам принц Уэльский и лидер оппозиции Его величеству, это позволяло ей сохранять некоторое положение в светском обществе. Однако очевидные беззакония Французской Революции заставили многих малодушных либералов в ужасе отшатнуться от прогрессивной политики, в результате чего "У Китти" остался прибежищем только самых закоренелых радикалов и революционеров, хотя, по мнению Натана, большинство из них только "разговоры разговаривали".

Однако это были опасные разговоры, и он был не в восторге, когда мать сообщила ему, что вечером принимает гостей, которые, несомненно, покажутся ему "интересными".

– Если под словом "интересный" ты подразумеваешь выражение мнений, которые почти наверняка являются государственной изменой... – начал Натан, но его прервали презрительной гримасой и краткой лекцией о природе предательства.

– Более того, как речь может идти о государственной измене, если они французы? – заключила она вполне резонно.

Натан внимательно взглянул на нее, пытаясь понять, шутит ли она. Нет, не похоже.

– Французы? – недоверчиво переспросил он, надеясь, что она имеет в виду кого-то из тех эмигрантов, которые были вынуждены бежать от притеснений в Париже. Эти надежды тут же были разрушены.

– Я решила устроить небольшой вечер для нескольких своих друзей из французского посольства, – призналась она. – прежде чем они будут вынуждены покинуть страну.

– Мама, они же только что объявили нам войну.

– Чепуха. Не стоит верить всему, что болтают журналисты, милый. Это Британия сама объявила им войну. Было бы неплохо выслушать их мнение по этому вопросу.

Натан застонал и закрыл лицо мочалкой. Еще с подросткового возраста он отказывался принимать чью-либо сторону в конфликтах своих родителей, но если оставался с одним из них дольше часа, то был очень склонен принять точку зрения другого.

– Итак, – продолжала его мать. – хватит здесь лежать, как какой-то белый кит, – кстати говоря, я заметила, что ты набираешь вес, – и посмотри, сможешь ли ты влезть в какую-нибудь из своей старой одежды и подготовиться к предстоящему событию. Но никакой военно-морской формы. Это было бы невежливо.

– Боюсь, я не самая приятная компания, – попытался протестовать Натан, убрав мочалку.

– У меня был неудачный день в Адмиралтействе.

– Чепуха, – снова сказала она. – Кроме того, тебе ничего не нужно будет говорить, только слушать, и, возможно, ты узнаешь что-то полезное для себя. Но все же как приятно тебя видеть, мой дорогой, целым и невредимым.

Она поцеловала его в лоб, ущипнула за щеку, как будто он был двухлетним ребенком, и вышла, а он решил утопиться.

Однако им двигало некое любопытство, которое в данном случае не только заставило его продлить свою жизнь, но и обязало явиться в назначенный час, чтобы поприветствовать гостей матери. Они оказались обычным сборищем вольнодумцев, республиканцев и революционеров, и среди них было всего два француза. Один был мелким чиновником из посольства, посланным передать извинения и объяснить, что посол и его сотрудники полностью заняты подготовкой к отъезду и сожалеют, что не смогут должным образом попрощаться со своими друзьями в Лондоне. Другой был более интересным персонажем, дипломатом из Парижа, недавно прибывшим в Англию в качестве главы того, что он называл "миссией мира". Из-за объявления войны эта миссия потеряла смысл, и он, выразив свой ужас по поводу казни короля Людовика, подал прошение о разрешении остаться в Англии. Сейчас он ожидал ответа от официальных лиц.

По различным признакам Натан догадывался, что его мать была привязана к этому джентльмену, которого она вскользь назвала "одним из самых блестящих умов Европы". Его мать нередко привлекали блестящие умы, хотя в данном случае ее выбор немного удивил Натана, но не из-за сравнительной молодости джентльмена, которая никогда не была для нее препятствием, а скорее из-за его внешности, которую нельзя было назвать привлекательной. У него было длинное, худое лицо болезненного, почти мертвенного цвета, и выраженная хромота, что создавало скорее зловещий, чем печальный эффект. Натан не удивился бы, узнав, что до революции он был полицейским осведомителем или, возможно, разбойником с большой дороги, вынужденным досрочно выйти в отставку, когда карета переехала ему ногу. Однако он сказал, что был епископом, и, заметив удивление Натана, рассмеялся и сказал, что его собственная мать была так возмущена этим назначением, что написала папе римскому письмо с протестом. Звали его Талейраном, что в то время не произвело на Натана особого впечатления, хотя впоследствии ему предстояло, услышав это имя, ощущать легкую дрожь дурного предчувствия.

– А какова ваша миссия? – пробормотал он в замешательстве. – Она связана с делами церкви?

Этот вопрос развеселил присутствующих, потому что оказалось, что Талейран был лишен сана, а прибыл посланцем от Жоржа Дантона.

Имя Дантона было более знакомо Натану. Действительно, он был печально известен во всей Европе как зачинщик нападения на королевский дворец Тюильри, и многие обвиняли его в последовавших за этим массовых убийствах. С тех пор он стал самым влиятельным человеком в Париже, успешно поднимая население на борьбу с иностранными армиями, которые тогда приближались к столице. Натан рискнул предположить, что его личность обычно не ассоциируется у людей с поисками мирного решения конфликтов.

– Это правда, – согласился дипломат, посерьезнев. – Но Дантон не хочет войны с Англией. На самом деле, он вообще ни с кем не хочет воевать. Но его власть уже не так велика, как прежде. Сейчас политику определяют "бешеные"⁵, фанатики.

Леди Кэтрин беспокоилась о безопасности нескольких своих друзей в Париже, в том числе писательницы Мэри Уолстонкрафт, чья работа "В защиту прав женщин" была одной из обязательных для чтения книг, и она подарила Натану один ее экземпляр, когда он вернулся в море. Как выяснилось, Мэри отправилась во Францию, чтобы написать серию репортажей для радикальной прессы в Англии, и прибыла туда незадолго до объявления войны.

– У бедной Мэри почти нет друзей в Париже, – сокрушалась леди Кэтрин. – и, несмотря на весь ее ум, она не имеет ни малейшего представления о том, как о себе позаботиться.

Однако другие с ней не согласились. Они утверждали, что Мэри вполне способна сама о себе позаботиться, а если у нее возникнут какие-то трудности, она всегда могла обратиться к Томасу Пэйну.

Мать Натана была большой поклонницей мистера Пэйна и утверждала, что прочла оба тома "Прав человека", причем "от начала и до конца", в отличие от многих ее знакомых, которые не смогли продвинуться дальше первых нескольких страниц, а держали книги "только для вида". Пэйн часто бывал в их доме, когда Натан жил там, будучи лейтенантом на половинном жалованье, и они с удовольствием вели оживленные дискуссии на самые разные темы, не приходя ни по одному из них к какому-либо существенному согласию. Но Натану он нравился больше многих других друзей его матери. "Безумный Том", как его окрестила популярная пресса, вел полную приключений жизнь моряка на каперском судне "Грозный" под командованием некоего "капитана Смерть", а затем служил таможенником в Сассексе, прежде чем отправиться в Америку, чтобы там разжигать пламя восстания и сражаться с британской армией, за что теперь вызывал крайнее отвращение у всех, кто считал себя верноподданными короля Георга. Однако в конце войны он вернулся в Англию, явно не заботясь ни о своей безопасности, ни о благородных чувствах своих соотечественников, и посвятил себя написанию книги, которая должна была убедить их последовать примеру своих американских собратьев и сбросить оковы тирании. Его труд "Права человека" имел огромный успех, но побудил правительство Его Величества выдать ордер на арест автора по обвинению в подрывной деятельности, что вынудило его бежать во Францию и уже там помогать сбрасывать оковы тирании. Он сразу же стал почетным гражданином Франции и был избран в новое Национальное собрание. Его даже попросили помочь написать новую конституцию. Однако, по словам Талейрана, он вызвал гнев якобинцев, отказавшись голосовать за казнь короля, и теперь ему грозила некоторая опасность потерять если не жизнь, то свободу.

– Ибо те, кто не с ними, те против них, – заключил дипломат. У него была обычная проблема с произношением английских звуков, что несколько умаляло глубину его суждений: "ипо те, кто не с нимя, те протыв них". – Таких они считают подозрительными, а быть таковым во времена Революции довольно опасно.

– Во времена тиранов это было не менее опасно – проворчал один из присутствующих, шотландский сапожник по фамилии Харди, который основал свой собственный якобинский клуб в пабе на Стрэнде под видом общества по переписке. – И если вы думаете, что мы в

Англии можем свободно выражать свое мнение, то вы очень сильно ошибаетесь, месье. Как раз теперь, когда объявлена война, я полагаю, вы увидите больше репрессий, чем когда-либо во Франции.

Послышались одобрительные голоса.

– Ведь сейчас у правительства есть прекрасная возможность подавить инакомыслие в стране, – высказал мнение пивовар по имени Уайтбрэд, который был одним из самых богатых людей в комнате и поэтому был вынужден высказывать некоторые из наиболее радикальных мнений. – и ограничить некоторые из наших самых неприкосновенных свобод.

Он утверждал, что располагает доказательствами того, что министр внутренних дел Генри Дандас финансировал такие газеты, как "Сан" и "Тру Бритон", которые агитировали против реформ и настраивали людей против таких честных реформаторов, как он сам.

– Они натравливают на нас толпу, – пожаловался он. – так что уже на улицу не выйдешь.

– Да, хорошо, что некоторым людям это не мешает, – проворчал Харди, которого все считали сварливым человеком. – и у них есть прекрасные экипажи, в которых они могут разъезжать.

Но либо Уайтбрэд его не расслышал, либо плохо понимал его акцент, потому что он продолжал:

– Куда бы я ни пошел, меня преследуют правительственные агенты. Они пытаются подкупить моих слуг, чтобы следить за мной, и рабочих, чтобы они устраивали саботаж.

К всеобщему изумлению, он даже рассказал о злостном плане разбавить его пиво водой и тем самым погубить его репутацию. Ему удалось подпортить всем настроение, и леди Кэтрин была вынуждена подать Филипу знак налить еще шампанского.

– У меня было подозрение, что за мной следят, – признался ирландский анархист по фамилии Блад, оглядываясь через плечо и понижая голос на случай, если за ним следили и в помещении.

– Я в этом не сомневаюсь, – самодовольно заверил его Уайтбрэд. – хотя в этом не было бы никакой необходимости, поскольку у них на улице припаркован наемный экипаж, чтобы их шпионы могли с комфортом наблюдать за прибытием и отъездом гостей. Я просил Китти написать министру внутренних дел и предложить вести книгу посещений и сдавать ее им каждое утро, чтобы сократить расходы на слежку.

Последовал неуверенный смех и несколько нервных взглядов в сторону окон, которые были занавешены, чтобы защититься от ночной темноты и тех правительственных агентов, которые могли бы захотеть прижаться к стеклу носом. Позже, когда подали ужин, Натан не удержался и подошел взглянуть. И действительно, дальше по улице стоял экипаж, из которого хорошо была видна входная дверь и все, кто входил или выходил через нее.

– Боюсь, теперь вы под подозрением, мой друг, – произнес знакомый иностранный голос у него за спиной. – Британский офицер, который встречается с врагами короля в самом сердце Сент-Джеймса. Пособник революционеров, предателей и французских шпионов.

Не говоря уже о Клеопатре в качестве матери, добавил про себя Натан.

– Когда лорд Адмиралтейства узнает об этом, – продолжал Талейран со своей сардонической ухмылкой. – полагаю, он вас показательно накажет.

Глава 4 – План банкира

В этот самый момент Джон Питт, второй граф Чатэм и Первый лорд Адмиралтейства, опустил свой длинный нос в бокал с портвейном, сидя в резиденции своего брата Уильяма на Даунинг-стрит, всего в нескольких минутах ходьбы от Сент-Джеймского парка. Если бы Натан выглянул не из парадных, а из задних окон дома своей матери, он мог бы заметить свет, горящий в комнате наверху, где они проводили свою встречу.

Чатэм, хотя и был старшим из них двоих, долгое время склонял голову перед гением своего брата, к тому же питая естественное уважение к его статусу главного министра короля,

и все же временами ему хотелось, чтобы они снова были маленькими и он мог отвесить ему хорошего пинка. Сегодня был как раз такой день.

Граф с раннего утра провел несколько часов на совещаниях со своими коллегами в Адмиралтействе. Они назначили адмиралов командовать флотами, отправили эскадры, корабли и офицеров в дальние уголки мира и позаботились о тысяче вопросов, которые, по их мнению, были жизненно важными для защиты королевства. Не было ничего необычного в том, что его отвлекли от таких обязанностей вызовом на Даунинг-стрит, но его бы вдохновило, если бы его брат тоже проводил совещание с высокопоставленными государственными чиновниками. Вместо этого Чатэм застал его за распитием бутылки портвейна с невзрачным человечком по имени Бикнелл Кони, который был похож на сборщика арендной платы, однако Уильям представил его как директора Банка Англии. Кому, как не брату, его знать, кисло подумал Чатэм, учитывая то время, которое он проводил в банке, подсчитывая государственные деньги и мечтая, чтобы они стали его собственными.

Банкир, несмотря на небольшой рост, обладал обостренным чувством собственной значимости и в течение десяти минут или даже больше читал Первому лорду Адмиралтейства снисходительную лекцию по вопросам, которые его мало или вообще не интересовали. Чатэм сильно подозревал, что именно его брат подговорил его на это, несомненно, объяснив сначала, что, несмотря на свою жизненно важную роль в делах страны, Первый лорд не разбирается в цифрах и ему бы стоило получше понять преимущества разумной экономии по сравнению, скажем, с несколькими дополнительными линейными кораблями для флота.

И вот этот джентльмен достал из кармана записную книжку, вынул крупную банкноту и почтительно положил ее на стол. Это была купюра в десять фунтов.

– Она была напечатана во время работы вашего отца в министерстве финансов, – сообщил он им, как будто их отец был мелким банковским клерком, а не Первым лордом казначейства и величайшим государственным деятелем своего времени. – Временная мера, когда были трудности с наличными деньгами, – Он снова открыл записную книжку. – А это, – сказал он, показывая им другую банкноту, как фокусник, который вот-вот заставит ее исчезнуть. – французская ассигнация достоинством в десять ливров. Однако между ними есть существенная разница, и не только в части внешнего вида, – Он постучал по английской банкноте коротким указательным пальцем. – Если бы вы отнесли ее в Банк Англии на Треднидл-стрит, то смогли бы обменять на десять фунтов серебром. Не то чтобы был смысл это делать, – Он снисходительно улыбнулся. – Поскольку банкнота сама по себе имеет такую же ценность и значительно легче на кармане, ха-ха, – Ухмылка сменилась хмурым взглядом, когда он указал на вторую банкноту. – А вот ценность этой купюры не обеспечена ни серебром, ни золотом, ни каким-либо другим драгоценным металлом. Она основана на земле, которой владеет правительство. Или, я бы сказал, которую государство украло у его прежних владельцев, аристократии и церкви.

Далее банкир сообщил им о том факте, что за последние полторы тысячи лет Римская католическая церковь приобрела от одной четвертой до одной трети всей земли и имущества французской нации на сумму около двух тысяч миллионов ливров, или пятидесяти миллионов английских фунтов стерлингов.

– Вряд ли мне нужно напоминать Вашей светлости, что годовой бюджет королевского военно-морского флота составляет немногим более трех миллионов, – самодовольно произнес он. – Итак, как вы понимаете, речь идет о значительной денежной сумме, – действительно очень значительной. Однако, – Он взял французскую банкноту и помахал ею перед носом Чатэма. – если бы вы предъявили эту банкноту к оплате, получили бы вы участок земли стоимостью в десять ливров? Нет, сэр, не получили бы. Скорее всего, вам бы просто отрубили голову, – Чатэм подавил сильное желание послать его к черту за дерзость. – Нет, ценность этого листка бумаги полностью зависит от того, верят ли люди, что он стоит именно того, что на нем написано. Если

это доверие будет утрачено, эта банкнота станет стоить меньше, чем бумага, на которой она напечатана, – Он скомкал купюру в ладони и бросил обратно на стол. – Вот поэтому, полагаю, мы тут и собрались.

Воцарившееся молчание затянулось. Чатэм, который совершенно забыл, – если вообще когда-либо знал, – зачем они здесь собрались, выжидающе посмотрел на брата. Питт, несомненно, был умнее его, хотя и всегда был по уши в долгах. Как можно быть Первым лордом казначейства, иметь в своем распоряжении столько денег и все еще быть в долгах? Этого Чатэм никак не мог понять.

Его брат поднял смятую банкноту и начал распрямлять ее, как будто ему было жаль, что она пропадет даром. Его веки отяжелели от недосыпания, от выпивки, или от того и другого сразу. Он всегда любил выпить, а в последнее время прикладывался к бутылке с удвоенной силой.

– Это одна из наших или чужая? – спросил он.

– Это французская, – сказал ему Чатэм, слегка качая головой. – Джентльмен ведь только что сказал.

Банкир снова усмехнулся.

– Это одна из первой партии с Хотон-Милл, – объявил он таким тоном, словно только что сказал что-то очень умное. – Только специалист их различит.

Питт положил банкноту обратно на стол.

– Так вы говорите, вам нужен корабль, – сказал он.

– А, вот оно что, – сказал Чатэм, начиная понимать. – Корабль.

Он же как раз занимался кораблями. Очень хорошо. За исключением того, что сейчас всем были нужны корабли, и их везде не хватало.

– Да, милорд, – сказал банкир, бросая на него фанатичный взгляд. – Корабль и команда, которые могут сойти за американские. И капитан. Тот, на чье благоразумие можно положиться и кто хотя бы немного говорит по-французски. И хотя я бы не стал говорить, что это должен быть тот, кем легко пожертвовать, все же он не должен обладать такой репутацией или влиянием, чтобы его, так сказать, задержание поставило бы нас в неловкое положение.

Глава 5 – Необычное назначение

Городок Рай, расположенный высоко на маленьком сухом холме, возвышавшемся над Ромни-Марш, купался в лучах солнца. Было так тепло, будто на дворе стояло лето, хотя апрель еще не закончился. Натан прислонился к парапету батареи, расположенной высоко над городом, и на мгновение закрыл глаза; без шляпы, с распущенными длинными волосами, он наслаждался солнечным теплом на лице и алым сиянием, заливавшим веки. Он был, черт возьми, счастлив.

Для этого редкого состояния его души было несколько причин. Прежде всего, простое удовольствие побыть одному после нескольких недель в море, где у него не было ни минуты покоя, даже в священном убежище своей каюты, и он все время осознавал зловонное присутствие 108 человеческих тел, втиснутых в 35 метров корпуса судна.

Он мог видеть бриг, стоявший на якоре в бухте Рай, недалеко от устья реки Ротер, с вывешенными сушиться парусами и окруженный небольшой флотилией лодок торговцев. Он даже мог различить маленькую подвесную платформу под носом судна, где плотник или кто-то из его помощников наконец-то устранял повреждения на носовой фигуре. Война началась для "Нерея" неудачно и преждевременно, но в последующие три месяца перспективы и судна, и самого Натана улучшились. Хотя таможня Его Величества продолжала обращаться к ним за помощью, а братство контрабандистов продолжало ставить прибыль выше патриотизма, война дала команде "Нерея" более полезную работу. Натан несколько раз переплывал на бриге Ла-Манш, чтобы осмотреть различные гавани, реки и заливы между Дюнкерком и Дьеппом, осматривая береговые укрепления, распугивая суда у побережья, иногда высаживая на берег шпи-

онов и, в целом, доставляя противнику досадное беспокойство. Короче говоря, он занимался тем, для чего и предназначен был его шлюп.

Он даже захватили свой первый приз возле Этапля, "Бон-Жанну", восьмидесятитонный гукер с грузом сидра, солонины и сухарей. Теперь он стоял в устье реки, чуть ближе к берегу, чем "Нерей", среди десятка других мелких торговых судов, пришвартованных под прицелом пушек замка Уинчелси. Это, конечно, был не испанский галеон с сокровищами, но все же приз приятно поднял моральный дух команды и увеличил скудные средства самого Натана, поскольку он получал лишь небольшое пособие от отца, а от матери ничего не принимал из того принципа, что тот, кто платит, тот и заказывает музыку. Так что несколько сот фунтов призовых денег сейчас пришлось бы как нельзя кстати.

Однако его настроение улучшали и другие, менее материальные причины. Солнце, безоблачное небо, густо цветущие яблони: цветки на ветках казались такими тяжелыми, что, несмотря на всю его хрупкость и недолговечность, ему казалось, что он может протянуть руку и ощутить тяжесть бутона в своей ладони, как виноградную гроздь или – таков был нынешний ход его мыслей, – как женскую грудь. Он позволил себе пофантазировать о женщине, которую встретил накануне. Точнее, не встретил, а увидел: явление чистой красоты, сравнимое с самим цветком, вышедшее из гостиницы "Русалка" в компании пожилой женщины, которая могла бы быть ее матерью. Она (Явление, а не мать) бросила на него взгляд, который Натан счел ободряющим. В нем была смесь любопытства и уважения, подумал он, поскольку впоследствии долго размышлял об этом, и у него были большие надежды встретиться с ней снова и узнать ее получше.

Сейчас он направлялся в "Русалку" на совещание с командующим дуврской эскадрой и несколькими капитанами, чьи корабли и шлюпы были пришвартованы в бухте. Узкие улочки городка были заполнены их командами, отправленными на берег с различными заданиями, – веселым, бесшабашным, а иногда и шумным сборищем матросов в синих куртках и парусиновых брюках и шляпах, с просмоленными косицами (и всеми лентами и вышивками, которые позволял носить устав флота), так что прежние впечатления Натана о Рае как о порте контрабандистов, полном враждебных и хмурых лиц, полностью изменились.

Пробили городские часы, и он возобновил восхождение, сдерживая шаг только для того, чтобы не вспотеть, обмахивая лицо сложенной шляпой и предвкушая кувшин эля с чуть меньшим энтузиазмом, чем возможность снова столкнуться с Явлением Чистой Красоты.

Он приближался к гостинице, держась в тени домов на другой стороне улицы, когда увидел ее. Она возникла из полумрака точно так же, как и накануне, как будто ждала появления Натана. Но она была не одна, и на этот раз ее сопровождала не мать. Это был помощник штурмана с "Нерея", бывший контрабандист с Гернси, мистер Талли.

Натан отступил в тень, чтобы лучше видеть, как они спускаются по ступеням "Русалки". Талли нежно взял ее руку и положил себе на сгиб локтя, и пара весело зашагала по улице. Они болтали без умолку, поглощенные обществом друг друга, а во дворе гостиницы было такое столпотворение из телег, повозок и всего остального, что они не заметили Натана, стоявшего под навесом здания напротив. Талли выглядел таким счастливым, каким Натан его еще никогда не видел, а молодая женщина была даже более великолепна, чем вчера, и ее черты, в прошлый раз показавшиеся ему задумчивыми, оживились. Несколько прядей светлых локонов изящно выбивались из-под элегантной маленькой шляпки, ее стройные ножки были в белых чулках с розовыми бусинками, – Натан заметил их, когда она, спотыкаясь, спускалась по ступенькам, – а грудь была... Натан отверг сравнение с цветками яблони как совершенно неподходящее, но в данный момент не мог придумать ничего другого. И вся она как будто светилась.

Он смотрел, как они спускаются с крутого холма, и понял, что довольно глупо улыбается про себя. Они так очаровательно смотрелись вместе: красивая молодая женщина и симпатичный морской офицер. Чертов везунчик, подумал он. Он был настолько же рад за Талли,

насколько и завидовал ему. Его уважение к помощнику штурмана увеличилось. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от глупой улыбки и воспоминаний о вчерашнем дне, и перешел через дорогу в гостиницу.

Коммодор Харрис сидел за столиком в баре с офицером, которого Натан раньше не встречал, капитаном морской пехоты.

– А, Пик, вот и вы, – поприветствовал его коммодор. – Это капитан Марш. Его отправило Адмиралтейство, чтобы найти вас и привезти в Лондон. Ваш экипаж уже ожидает.

– Что, прямо сейчас? – Натан полушутя отшатнулся, надеясь, что он шутит. Но никто не улыбался.

– Если это будет удобно, – сказал капитан с вежливым, но ничего хорошего не предвещавшим поклоном.

– Мне нужно отправить сообщение на свой шлюп, – услышал Натан свой голос, пытаясь собраться с мыслями. Он подумал о матери. Слух о его присутствии на ее маленьком званом вечере наконец дошел до их светлостей, и его призвали к ответу за сотрудничество с врагом.

– Этим займутся, – твердо заверил его коммодор.

– А когда я вернусь?

– Это будут решать их светлости. Я оставляю вас в надежных руках капитана Марша.

Натан пытался понять, находится ли он уже под арестом. Его уныние усиливалось с каждым километром, который они преодолевали по лондонской дороге, и погода ухудшалась с его настроением. К тому времени, как они добрались до Мейдстона, небо затянуло тучами, и первые капли дождя забарабанили по стеклу кареты. Они ехали молча, что само по себе было подозрительно, как будто сопровождающий Натана не мог придумать достаточно безопасной темы для обсуждения со столь неблагонадежным спутником. Размышления, которые раньше так радовали Натана, теперь вернулись и мучили его, как мрачные пародии на их предыдущее воплощение. Его чувство к молодой женщине теперь казалось глупой фантазией, а веселые матросы – шайкой буйных головорезов в кричащих нарядах, ничем не лучше контрабандистов, а на самом деле гораздо хуже, потому что, по крайней мере, контрабандисты открыто демонстрировали свои злобные намерения. "Нерей" был всего лишь бригом, одним из самых маленьких шлюпов на флоте, а взятый им приз – ничтожным корытом. И, кроме того, теперь, если подумать, у него вообще не было права захватывать это судно, потому что это было немногим лучше пиратства. Теперь он покраснел, вспомнив о том самодовольном удовлетворении, которое испытывал, наблюдая, как их команда забирается в свой катер, хотя он мог бы так легко взять их в плен и получить за них деньги. Он вспомнил, как шкипер – вероятно, владелец судна, – стоял на корме и грозил им кулаком, а по его лицу текли слезы. "Бон-Жанна", несомненно, была для него так же прекрасна, как "Нерей" для Натана, и даже больше, потому что она была его источником существования, и без нее его ждало мрачное будущее сломленного старика на берегу... Чем больше Натан думал об этом, тем больше ему казалось, что его нынешнее затруднительное положение было заслуженным наказанием. Какое он имел право воевать с гражданскими моряками, французскими или любыми другими?

Натан не был большим поклонником доктора Джонсона, чьи наблюдения он часто считал банальными. Как автор стихов, который часто с трудом подбирал нужные слова, он имел основания возмущаться такими замечаниями, как "человек может писать в любое время, если он будет упорно стремиться к этому", но был склонен согласиться с утверждением доброго доктора о том, что "патриотизм – последнее прибежище негодяев". Натан всегда чувствовал себя неловко, поднимая бокал с сослуживцами-офицерами за "следующую войну и повышение по службе для всех нас", как будто сам факт службы на военном флоте оправдывал любое злодеяние, которое им могло прийти в голову совершить. Он принес присягу королю Георгу и не собирался нарушать свою клятву; он сделает все, что потребует от него король или его мини-

стры. С другой стороны, он не испытывал особенного уважения к королю или его министрам. Он не принадлежал ни к тори, ни к вигам, и был склонен призывать чуму на оба этих дома. Он восхищался Билли Питтом, когда тот стал главным министром, одобряя его молодость и рвение к реформам, но это чувство быстро угасло, и он разделил презрение своих коллег-офицеров, когда Питт назначил своего брата-солдата Первым лордом Адмиралтейства.

А теперь началась война с революционной Францией. Когда толпа штурмовала Бастилию и началась Революция, Натану было девятнадцать. Он не мог вспомнить, что он подумал об этом в то время: он был в Тихом океане, и когда они в конце концов услышали эту новость, она показалась им такой далекой, что он не мог считать ее даже важной, а не то чтобы потрясающей. Но позже в том же году он провел несколько месяцев со своими двоюродными братьями в Америке, в Нью-Йорке, и все, с кем он встречался, очень поддерживали Революцию. Примерно так же обстояли дела и в Англии. И не только среди поэтов, – таких как Вордсворт, – но и среди политиков, ведь даже Питт осторожно высказывался в ее пользу. Но затем Революция показал свой звериный оскал, и настроения в Англии обернулись против нее. Мать Натана и ее друзья говорили, что ситуация во Франции была совсем не такой плохой, как изображала пресса и как того хотело правительство, желавшее, чтобы люди верили именно в это. Они преувеличивали масштабы насилия, чтобы убедить свой собственный народ оставить все, как есть, и не требовать перемен, прогресса или повышения заработной платы. Тори хотели спровоцировать войну, чтобы задушить новообретенные свободы во Франции и остановить их распространение в Англии. Обычно Натан не был склонен соглашаться с политическими взглядами матери. Совсем недавно он был только рад участвовать в войне против революционной Франции и извлекать из этого выгоду. Но сейчас он чувствовал, что, если их светлости произнесут хоть одно слово против его матери или осудят ее за то, что у нее были друзья, он швырнет им в лицо свой офицерский патент.

Он взглянул на офицера морской пехоты, дремавшего в дальнем углу кареты. Одно слово, подумал он, одна усмешка на этих утонченных губах, и я разобью их о твои зубы. Но офицер продолжал спать, его голова покачивалась в такт толчкам кареты, и через некоторое время глаза самого Натана начали слипаться, подбородок опустился на грудь, и он очнулся только на окраине Лондона.

– А, Пик, – сказал первый лорд Адмиралтейства, поднимая нос от своих бумаг, как злобный грызун, потревоженный в своих поисках объедков. Он моргнул, глядя на Натана через свой стол, как будто пытался вспомнить, кто это такой и что он, черт его дери, здесь делает.

На улице было темно, и все еще шел дождь. Внутри тоже было по большей части темно, поскольку был поздний вечер, и Адмиралтейство, по-видимому, пустовало, если не считать швейцара, впустившего их, уборщицы, с которой они встретились на лестнице, и, конечно, самого Первого лорда, роющегося в бумагах на своем столе. Хотя, как подумал Натан, вполне возможно, что те же самые офицеры все еще ждали за закрытой дверью приемной в надежде получить какое-нибудь назначение или корабль, в то время как уборщица время от времени заходила, чтобы обмахнуть их своей перьевой метелкой для пыли.

Он никогда раньше не встречался с Чатэмом, да и сейчас не предполагал такой встречи. Собеседование с самим Первым лордом было редкостью даже для капитанов; как слышал Натан, такое случалось, только если тебе поручали особо важный пост или задание, а в его случае ни то, ни другое не представлялось вероятным. Он подозревал, что против него были выдвинуты серьезные обвинения и что из уважения к его отцу Чатэм решил встретиться с ним лицом к лицу, прежде чем вынести приговор.

Дверь за ним закрылась, и Натан понял, что они остались одни. Судя по всему, его не считали опасным, и он огляделся и немного успокоился. В воздухе висел дымок от небольшого огня в камине и семи или восьми свечей, две из которых сильно коптили. Покрытые лаком

портреты предшественников Первого лорда смотрели со стен сквозь завесу дыма. Большинство из них были адмиралами, один или двое гражданских, но ни одного армейского офицера, насколько было известно Натану, – до того, как брат назначил его главой Королевского военноморского флота. В окно забарабанили струи дождя, и рама слегка задрожала.

– Да, гм, Пик, – повторил Чатэм задумчиво. Его взгляд снова метнулся к бумагам, и он некоторое время рылся в них, пока не нашел одно письмо. Нахмурившись, он указал Натану на стул. – Адмирал Гарднер хорошо о вас отзывался, – сказал он удивленным тоном. Натан постарался придать лицу выражение вежливого интереса, но сердце у него заколотилось. Адмирал Гарднер был лордом Адмиралтейства, рангом ниже Чатэма, но действующим офицером и бывшим товарищем отца Натана по кораблю. – Он пишет, что вы говорите на французском, как на родном.

– Я бы так не сказал, милорд, – осторожно возразил Натан.

На желтоватом в свете свечей лице отразилось недовольство. У Чатэма был подозрительный взгляд человека, который знал, что его не очень любят и не уважают и что большинство его коллег считают, что он не поднялся бы выше звания майора, если бы его отец не был величайшим человеком своего времени, а брат – главным министром короля.

– А что вы бы сказали? Так вы говорите на нем или нет?

– Я могу объясниться, милорд. Но иногда мне трудно понимать, когда говорят слишком быстро.

И почему они обсуждают его французский? Его что, переводчиком хотят назначить?

– А ваша мать – американка?

Вот оно что. Тогда все ясно.

– Она родилась в Нью-Йорке, милорд, когда он еще был английской колонией.

Хотя не стоило, наверное, напоминать Чатэму о текущем статусе этого города. Потеря американских колоний все еще вызвала припадки у определенных слоев общества, и многие считали, что именно это свело короля с ума. В его присутствии никто не упоминал о "бывших колониях", опасаясь очередного приступа, и, возможно, то же самое произошло с Чатэмом, чей отец в последние годы жизни тоже страдал от умственного расстройства.

– Она живет в Лондоне уже много лет, – продолжил он неуверенно.

– Да. Так мне и сказали.

Плохо. Все очень, очень плохо. Натан почувствовал, как кровь прилила к лицу, и приготовился к обороне или к быстрой, яростной контратаке, прежде чем его потопят.

– А как поживает ваш отец?

– Очень хорошо, спасибо, милорд.

– Он занимается сельским хозяйством в Сассексе, я полагаю.

– Так и есть, милорд. Это не дает ему скучать после того, как он вышел в отставку.

Натан почувствовал себя увереннее, но Чатэм снова уткнулся носом в свои бумаги.

– А вы, значит, возились с контрабандистами у южного побережья.

Можно подумать, это была игра, придуманная для развлечения младших офицеров.

– Нас иногда вызвали, чтобы оказать помощь чиновникам таможни, милорд.

– Знаю, и в одном из таких рейдов по вам открыли огонь – еще до начала военных действий.

Очевидно, что его отчет дошел до Первого лорда, пусть и без пушечного ядра.

– Да, милорд. Нас затянуло приливом, но мы смогли отойти от берега.

– Так вы хорошо знаете тот участок побережья Франции?

– С тех пор я изучил его еще лучше, милорд, – Он улыбнулся, стараясь показать, что шутит, но эти слезящиеся глаза холодно смотрели на него поверх крючковатого носа.

– Я собираюсь вас снова туда отправить.

– К Сомме, милорд?

– В Гавр.

На лице Натана явно отразилось непонимание.

– Короче говоря, – сказал Чатэм. – мы хотели бы, чтобы вы доставили кое-какой груз.

Повисло молчание, которое нарушал только шум дождя на оконном стекле и потрескивание свечей.

– Груз, милорд?

– Который надо передать кое-кому в Гавре.

Натан медленно кивнул, как будто это имело смысл – вести британский военный корабль во французский порт во время войны и что-то там выгружать.

– На "Нерее"?

Чатэм задумчиво посмотрел на него, как будто начал сомневаться, что он действительно подходил для этого задания.

– Не думаю, что это следует рассматривать, – сказал он. – если только вы не хотите дать французам второй шанс обстрелять вас. Нет, вы примете командование американским судном, которое в настоящее время стоит у причала в Бристолье, и поведете его в Гавр под американским флагом, где доставите груз американскому джентльмену, проживающему там в настоящее время.

– Американским судном, – повторил Натан, понимая кивнув, хотя на самом деле он мало что понимал. Британская блокада распространялась на американские суда так же, как и на все остальные. Любое судно, пытавшееся прорвать эту блокаду, могло быть захвачено британским кораблем, под каким бы флагом оно ни плавало.

– Именно так, – Первый лорд снова сверился со своими бумагами. – "Спидвэлл", из Салема. Двухсоттонный барк. Захвачен британским фрегатом у Ла-Рошели и приведен в Бристоль в качестве приза. Сейчас он принадлежит Адмиралтейству, но для судна подготовлены документы на имя джентльмена из Гавра. Мы намерены через несколько дней отправить это судно в плавание с новым грузом и новым капитаном, – Он поднял голову и встретился глазами с Натаном. – Понимаю, что это необычное назначение, – признал он. – Если вы решите от него отказаться, то сможете вернуться на "Нерей" без ущерба для вашей репутации или карьеры, забыв об этом разговоре. Его вообще не было. Уверен, что могу полагаться на ваше абсолютное благоразумие в этом вопросе, – Его взгляд открыто намекал на те последствия, которые возникли бы, если бы это доверие оказалось неоправданным. – Однако, если вы согласитесь, вы окажете своему суверену и своей стране значительную услугу, и это не будет забыто.

Натан вежливо склонил голову, но почувствовал, как его сердце забилось сильнее от чего-то, очень похожего на ликование. Очевидно, перспектива продвижения по службе имела для него гораздо большее значение, чем он был готов признать. Но в голове у него вертелся целый рой вопросов.

– А как же "Нерей", милорд?

– У него будет временный капитан, пока вы не вернетесь.

– А мои офицеры? – Первый лорд снова нахмурился, но Натан решил стоять на своем. – Прошу вас, милорд, разрешите взять хотя бы одного, чтобы он мог нести полноценную вахту.

– Вы можете взять одного офицера, – согласился Чатэм. – и одного слугу. Но вы должны понимать, что малейшая неосторожность не только поставит под угрозу вашу миссию, но и почти наверняка будет стоить вам жизни.

Вероятно, он имел в виду, что смерть грозила Натану от рук французов, хотя в этом нельзя было быть уверенным.

– А когда мне следует...

– Вы отбудете в Бристоль сегодня вечером вместе с капитаном Маршем. Вы можете отправить сообщение слуге, если вам нужны какие-то вещи с "Нерея", – Он немного помолчал. – Судя по этим вопросам, вы принимаете назначение.

Натан склонил голову в вежливом поклоне.

– Разумеется, милорд, – Но, несмотря на все его усилия, его лицо расплылось в широкой улыбке. – Благодарю вас, милорд. Вы не пожалеете об этом выборе.

Чатэм поднял бровь со смесью удивления и негодования.

– Очень надеюсь, что так и будет, – ответил он и уткнулся своим длинным носом обратно в бумаги.

Натан был уже на полпути вниз по лестнице, когда ему пришло в голову, что перевод с 16-пушечного военного шлюпа на американское судно, преодолевающее блокаду, только в стенах Бедлама может рассматриваться как повышение по службе и что плавание в Гавр во время войны – несмотря на всю ту услугу, которую оно могло бы оказать королю Георгу, – вполне могло, черт его дерь, закончиться его собственной казнью.

Глава 6 – Секретный груз

Он резко пробудился от глубокого сна и уставился в темноту, недоумевая, где он и что здесь делает. Он уже несколько недель спал в таверне на причале, где ему были знакомы все запахи и звуки: скрип ступенек и хлопанье ставен, мерный храп хозяина и его супруги и более пикантные звуки, издаваемые другими постояльцами. Он привык к кошачьему воркованию и ссорам проституток, и даже буйные пьяницы редко будили его. Но сейчас он был не в таверне.

На какой-то момент он подумал, что снова оказался на "Нерее". Но было слишком тихо. На бриге в любое время дня и ночи на палубе находилось с полсотни человек и столько же внизу. Если вы их и не слышали, то чувствовали бы запах этой плотной массы людей, а если бы не чувствовали и запаха, то могли бы ощутить их другими способами, как дыхание огромного животного в темноте.

Да, разумеется, он был не на "Нерее". Он был на "Спидвэлл", из Салема. Он мысленно произнес это имя, чтобы убедиться, что это не сон и не галлюцинация. "Спидвэлл", из Салема. В этом имени было что-то зловещее, как будто это судно ждало его все эти годы, как изуродованный труп, всплывающий из моря, или как его собственное прошлое.

Мать рассказывала ему историю о своей прабабушке Саре Гуд, которую повесили как ведьму в том самом Салеме. Одна из девятнадцати, ложно обвиненных детьми, которые не ведали, что творят, и несправедливо приговоренных судьями, которые должны были бы понимать, что делают. Но Натан сам был ребенком, когда услышал эту историю, и старая ведьма, невинная или виноватая, приходила к нему во сне ночь за ночью и пугала до смерти. Он видел, как она летит по лунному небу на своей метле или корчится на виселице с почерневшим лицом, высунутым языком и вытаращенными глазами. И он просыпался, как сейчас, уставившись в темноту, охваченный страхом смерти.

Он даже был однажды в этом Салеме. Его американские кузены возили его туда, в шумный морской порт и в тихую одноименную деревушку, которая по-настоящему называлась Дэнверс или Олд-Салем. Они ему показывали зал суда и то место, где стояли виселицы. И их могилы.

Натан помотал головой, пытаясь сбросить наваждение. Давно бы уже ему перестать этого бояться, и все же... "Спидвэлл", из Салема. Такое зловещее название, да еще и фигура на носу, очень похожая на ведьму, летящую на метле..

Он принюхался к запаху судна. Обычный запах любого корабля, долго находящегося в море: пенька, смола, древесина и трюмная вода, сладковатый смрад разложения, который мог исходить от дохлой крысы или мяса на завтрашний ужин, и легкий привкус щелока.. Но серой не пахло, как и табаком.

Их груз прибыл два дня назад, на несколько недель позже, чем обещал Чатэм, на речной барже из Глостера в сопровождении капитана Марша и четырех его людей. Табак. Лучший виргинский. Пятьсот деревянных ящиков.

Натана долго недоумевал: разве табак перевозили в деревянных ящиках с засовами, которые были перетянуты веревками? Его ведь вроде обычно держали в джутовых мешках. Талли сказал, что иногда его упаковывали в корзины, чтобы он не отсырел и не пересох, и с невозмутимым видом добавил, что контрабандисты всегда грузили табак в корзины или полубочки, чтобы его было удобно переносить. Они подняли ящики с барж с помощью блоков, опущенных с нока рея, и опустили в трюм, и капитан Марш пересчитал их, как казначей, и настоял, чтобы Натан расписался за них лично. Натан пожал плечами и расписался, задаваясь вопросом, не подписывает ли он свой смертный приговор, потому что не сомневался, что это была контрабанда, и юридически он теперь сам стал контрабандистом. Егерь стал браконьером. Но чьи интересы он представлял?

"Если вы попадетесь", сообщил ему Первый лорд, "мы будем вынуждены от вас отказаться". Ничего удивительного. Он давно подозревал, что ему суждено быть повешенным, как его злосчастной прапрабабушке, салеградской ведьме.

Он не смог снова заснуть, вылез из койки, оделся и поднялся на палубу. Для середины лета ночь была прохладная. Канун Иванова дня. Он взглянул вдоль палубы: тридцать семь метров от носа до кормы, примерно такие же размеры, как и у "Нерея", но более ходкое судно. Хотя у него не было статуса военного корабля, и команда была намного меньше. Под началом у Натана теперь было не 105 человек, а всего лишь 18. И те оставляли желать лучшего, – все отпетые контрабандисты, если он хоть в чем-нибудь разбирался.

Темная фигура отделилась от правого борта и приблизилась к нему, прикоснувшись к шляпе. Талли – тот единственный офицер, которого ему позволено было взять с собой. И почему он выбрал именно его? Из-за его опыта в контрабанде или чего-то иного? Некое взаимное доверие, общность, ведь они оба были чужаками?

– А где вахта? – спросил его Натан несколько более резко, чем собирался.

– Двое на баке, – ответил Талли, выглядя немного смущенным. – Портовая вахта, не более.

Натан посмотрел на нос и увидел скорчившиеся фигуры под колоколом на баке, почти наверняка спящие. Кое-что на борту нужно будет менять, когда они выйдут в море, но не сейчас. Половина команды сбежала или была завербована в Королевский военно-морской флот еще до того, как Натан присоединился к ней, и он не хотел терять остальных. Талли прошерстил бристольский порт и привел еще шестерых матросов, американцев. Они были надежными, – по крайней мере, как он сам считал. Так и должно было быть, учитывая ту плату, которую они получали, и обещание премии, когда их груз будет благополучно доставлен.

Натан подошел к борту. Ветра по-прежнему не было. Он взглянул вверх, сквозь такелаж. Звезд было не видно. В воздухе висела мельчайшая влага. Он почувствовал капельки на лице и тыльной стороне ладоней и понял, что это не дождь и не туман, а роса. Поручень был весь сырой.

Он оглядел переполненную якорную стоянку. Больше сотни судов ждали ветра, который унес бы их по Бристольскому каналу в открытое море, и их огни поблескивали на маслянистой воде. Прилив заканчивался. В свете фонарей движение воды казалось стремительным, как в мельничном ручье. Но это была иллюзия. Гичка едва заметно покачивалась у борта, мягко постукивая по корпусу, и вода журчала под ее носом.

В воздухе почувствовалось какое-то дуновение. Его едва ли можно было его назвать ветром, и все же... Повернув голову, он ощутил ветерок на щеке, потом увидел колыхание снастей. Звездно-полосатый американский флаг на корме вздрогнул и затрепетал. Да, это точно был бриз, причем с юго-востока. Если он продержится, то они смогут выйти из Бристольского канала.

Одно из судов неподалеку уже начало двигаться. Натан услышал доносившиеся с него команды и увидел фонари на верхушке мачты и корме, медленно плывущие по поверхности, и

очертания парусов на фоне огней гавани. Люггерные паруса. Он вспомнил о люггере "Удача", с которого все началось. По крайней мере, так ему сейчас казалось. Ведь именно после того случая в устье Соммы на него обратили внимания их светлости. И вот теперь он сам стал контрабандистом и вез пятьсот ящиков лучшего вирджинского табака таинственному американцу в Гавр и пачку депеш в запечатанном промасленном пакете, предназначенных для американского посланника в Париже.

И зачем? Натан знал американского посланника в Париже, точнее, слышал о нем. Его звали Моррис, Гувернье Моррис. Французское имя, причем гугенотское. Его семья бежала из Франции во времена Людовика XIV, как многие французские протестанты и как семья матери Натана. Они владели землей на реке Гарлем, но основным их делом были финансы. Большинство из них остались верны королю Георгу во время войны, но не Гувернье, который был секретарем генерала Вашингтона. Натан однажды встречался в Нью-Йорке с его братом, который тоже поддержал восставших. Говорили, что эта семья поддерживала обе стороны, так чтобы в любом случае не оказаться среди проигравших.

Конечно, вполне возможно, что в пакете ничего не было, или не было ничего важного, что он служил всего лишь прикрытием, своего рода дипломатической защитой, чтобы никто не стал рыться в ящиках. Так что же в них было?

Он пересек палубу, подошел к небольшому смотровому люку, ведущему в трюм, и откинул брезент. Талли тут же подошел с фонарем и деревянным молотком, чтобы сбить засовы. Натан поблагодарил его, но взял фонарь и спустился по трапу один.

Внизу было очень тесно. Они оставили около полуметра свободного пространства в конце трюма, а груз был зажат деревянными балками. Натан едва мог поднять фонарь. Ящики, похожие на те, в которых перевозили чай, возвышались у него над головой, метр с небольшим в высоту, полметра в ширину и в глубину. Он выбрал три из них и постучал. Все звучали одинаково, и звук ни о чем ему не говорил, кроме того, что они не были пустыми. Он принялся, прижавшись носом к ящику, потом даже прислушался, потом достал перочинный нож, вставил лезвие между двумя деревянными планками и попытался продвинуть его внутрь. Он с трудом мог двигать лезвие, но там что-то было, препятствие, что-то не совсем твердое, но достаточно прочное. Он вытащил содержимое ящика и понюхал его. Табак. Может, даже и лучший вирджинский, – он сам не курил.

И что, теперь ему должно было стать легче? Но зачем бы им было отправлять табак во время войны американскому торговому агенту в Гавре? Он что, предназначался для американского посланника в Париже? Была ли это взятка за оказанные услуги? Или табак предназначался для дачи взяток кому-то еще? В обмен на какие услуги?

Вполне возможно, что Моррис выступал в качестве временного поверенного в британских делах. Но даже если и так, все это было секретно. Об этом Натан точно не смог бы прочитать в газетах. Он мог всю ночь ломать голову и все равно не докопаться до сути. И не его это было дело.

Он поднялся по трапу обратно на палубу. Бриз стал свежее. Еще одно судно покидало гавань. Натан взглянул на небо на востоке: еще час, и настанет рассвет.

– Будите команду, – приказал он Талли. – Полагаю, нам пора поднимать паруса.

Глава 7 – Погоня

"Спидвэлл" из Салема шел круто к ветру у входа в Ла-Манш, в пятнадцати километрах от Лизарда; был прекрасный летний день, дул устойчивый северо-восточный ветер, а Натан стоял в двадцати метрах над палубой, просунув одну руку сквозь ванты и приложив к глазу подозрную трубу. То, что он видел, совершенно ему не нравилось.

Военный корабль – бриг, очень похожий на "Нерей", – двигался перед ними на расстоянии около пяти километров, держа курс, который, по расчетам Натана, должен был привести их к нему в течение часа. Стараясь держать трубу как можно ровнее, он пытался определить

национальность корабля. На корме у брига развевался флаг, но он был еще слишком далеко, чтобы разглядеть, какой именно. Однако он видел восемь орудийных портов вдоль правого борта. Судя по всему, это было судно Королевского военно-морского флота, но инстинкты, выработанные за десять лет, проведенных в море и в профессии, в которой искусство обмана было доведено до совершенства, убедили Натана, что этот корабль лишь притворяется британским. И для его подозрений были основания. Ведь бриг должен был броситься к ним, едва их заметив. Даже если бы они и видели его флаг, военно-морскому флоту не хватало моряков, и в нем не уважали нейтральные суда, особенно американцев; они бы силой завербовали по меньшей мере половину его матросов на том ложном основании, что они родились подданными короля Георга и подлежали вербовке.

К тому же, паруса на бриге стояли как-то не так. Он шел круто к ветру, как и "Спидвэлл", но даже слишком круто, и его паруса продолжали трепетать, замедляя ход. Если это была простая беспечность, то такого он не мог ожидать от экипажа военно-морского судна, а если это было не так, то они намеренно теряли ветер, чтобы позволить "Спидвэллу" догнать их. А зачем? Они были в наветренном положении, и им было бы достаточно легко развернуться и в мгновение ока подойти очень близко. Если только они не боялись, что он бросится прочь, и не хотели утруждать себя погоней.

Он покусывал верхнюю губу, размышляя о том, какие были варианты. Если это был британский корабль, планировавший их захватить, то у него были документы, подтверждающие, что он направлялся в Саутгемптон с депешами для американского посланника в Лондоне, а если бы они попытались завербовать его матросов, он смог бы показать им соответствующие документы от Адмиралтейства. В общем, с британским кораблем проблем бы не возникло. А вот беспокоила его возможность того, что это был капер, причем французский. В этом районе их было полным-полно, и многие были немногим лучше пиратов, получивших каперский патент на право очищать моря от вражеских судов. У Натана были и документы, которые он мог предъявить французам, если возникнет такая необходимость, – бумаги, в которых говорилось, что он направляется в Гавр и везет депеши для американского посланника в Париже. Однако капитаны каперских судов плохо умели читать. Они захватывали любые корабли, какие могли, не обращая внимания на бумаги, которые были у капитана, и предоставляя судьбе и судам решать, торговали они с врагом или нет. Натан меньше всего хотел, чтобы его захватил капер и отвел в ближайший французский порт, где ему пришлось бы иметь дело с коррумпированным магистратом.

Он снова навел на бриг свою трубу. Расстояние между судами заметно сократилось. Он мог видеть орудия, установленные в орудийных портах: шестифунтовые, такие же, как у "Нерея", и еще пара на носу, которые он не мог разглядеть как следует, но, похоже, они были более крупного калибра. Он всмотрелся в фигуры, стоявшие на корме. В отличие от Натана в его простом плаще и бретонском рыбацком вязаном свитере, они выглядели, как британские морские офицеры. Он видел их треуголки и синие мундиры, полностью соответствующие тому, что можно ожидать от офицеров военно-морского флота Его Британского Величества, за исключением... И тут он понял. Еще до того, как он смог сформулировать свою догадку, он уже скользил по бакштагу вниз на палубу. Ни один британский военный корабль такого размера не обходился без морских пехотинцев, и на "Нерее" их было семнадцать, но он не увидел на палубе брига ни одного красного мундира. Талли стоял возле штурвала, выжидательно глядя на него.

– Если это британский корабль, – сказал ему Натан. – то я Папа Римский.

Притязания капитана на папский престол слишком часто оказывались бесплодными, чтобы Талли сейчас мог выступить в их поддержку. Натан взглянул на паруса и голубой вымпел судна, указывавший на юго-запад. Если они собирались спастись бегством, то должны были

выбрать именно этот путь, потому что у них не было никакой надежды проскользнуть мимо брига, не подставив себя под его бортовой залп.

– Поворот и курс юго-юго-запад, – приказал он рулевому и добавил для Талли: – Мы направимся к Уэсану и посмотрим, как далеко он будет нас преследовать.

Талли проревел: "Матросы к брасам", а Натан направился с подзорной трубой к наветренному борту. Если это были французы и "Спидвэлл" направился бы к Франции, вполне возможно, они отпустили бы их и стали бы дожидаться следующего корабля, идущего в Англию. Но как только Натан навел трубу, его надежды оказались разрушены. На палубе и мачтах на бриге было полно матросов, и уже через минуту он начал поворот. Натан опустил трубу и с тревогой наблюдал, как его собственная команда взялась за брасы. Талли хорошо их вымуштровал, но их было слишком мало по сравнению с экипажем военного корабля. Его единственной надеждой было держать ветер с кормовых углов и свести маневры к минимуму. Реи наконец повернулись, и он почувствовал, как судно откликается. Если ветер продержится, то шансы у них были.

В его голове мелькали расчеты. Сейчас отлив, и он продлится еще четыре часа. Поверх кормового поручня он взглянул на преследователя: Боже мой, как близко он был, немногим больше километра. Невооруженным глазом он мог разглядеть детали, которые раньше едва ли видел в трубу, и среди них два черных порта для носовых орудий. Хотя на таком расстоянии они вряд ли бы стали их выкатывать, если только они не были гораздо большего калибра, чем он предполагал. Талли встал рядом с ним. Он что, улыбается?

– Кок говорит, что обед готов, – сказал он.

Обед? Он едва смог удержаться, чтобы тупо не повторить это слово, настолько неожиданно оно прозвучало. Он взглянул на солнце, которое было там, где ему и положено быть в полдень летнего дня, а затем снова на бриг, который был ближе, чем ему хотелось бы, но больше не нагонял. Обед? А почему бы и нет? Команду это подбодрит. Может, они даже решат, что у него все под контролем.

Сначала они отправили обедать вахту правого борта. Натан не мог покинуть палубу даже на мгновение, и пока он был там, то и Талли тоже. Это его расстраивало не только из-за Талли: он уже достаточно проголодался, хотя на "Нерее" привык обедать на час позже, чем остальная команда. И тут, как по команде, появился его стюард Гэбриэл с подносом, за которым следовал маленький юнга с подставкой для него и стулом. На подносе было накрытое крышкой блюдо.

– Что там у нас сегодня? – спросил Натан, когда Гэбриэл поставил блюдо на поднос и снял крышку.

Сегодня у него была большая отбивная из свиньи, которую зарезали вчера, несколько пережаренная, судя по виду, с гороховым пюре на оловянной тарелке и кувшином эля, чтобы запить ее, без чего, похоже, с ней было не справиться. Кока звали Мелкий, и он действительно не блистал высоким кулинарным искусством. Натан предложил Гэбриэлу, чтобы он был так добр и принес обед и мистеру Талли, и, хотя помощник капитана возражал, это было сделано. Он увидел улыбки вахтенных матросов на палубе, – что ж, это было лучше, чем хмурые взгляды и ропот.

Естественно, команда называла его стюарда Архангелом Гавриилом, хотя, если бы они знали то, что знал о нем Натан, то могли бы счесть это богохульством или сарказмом. Во время американской войны он был в числе того отребья, которое завербовали на старый корабль отца "Аякс" из тюрьмы, и, Бог знает почему, стал стюардом: возможно, из-за того, что у него были замашки джентльмена, – ведь он утверждал, что был разбойником с большой дороги, – но, скорее всего, потому, что на борту корабля от него не было никакой пользы. Для экипажа "Спидвэлла" он был настоящей диковинкой: они явно не привыкли к тому, чтобы у шкипера был собственный стюард. Но, насколько им было известно, Натан был их новым владельцем, американцем по фамилии Тернер, родившимся и выросшим в Нью-Йорке, но обосновавшимся

в Лондоне, чтобы заработать на войне. Когда они были уже далеко в Бристольском канале, он объявил им, что они направлялись в Гавр и что по возвращению им выплатят жалование за целый год, но любого, кто этого пожелал, высадили бы у Сент-Айвса. К счастью, таких желающих не оказалось, иначе их было бы крайне сложно заменить. Когда они покидали Бостон, они собирались прорывать блокаду, а, по словам Талли, они также, скорее всего, занимались контрабандой в Вест-Индии, так что для них это было обычное дело.

– Ваше здоровье, мистер Талли, – сказал Натан, поднимая свой кувшин. Он уже начинал получать удовольствие, хотя ему приходилось следить за подносом, и он не мог удержаться от того, чтобы каждую минуту украдкой не поглядывать за корму, на бриг. Он заметил, что юнга тоже часто туда смотрел. Фрэнсис Койл, мальчишка двенадцати лет от роду, хотя выглядел он еще младше. Это было его первое плавание. Господи, и о чем они там в Бостоне думали, когда брали его на борт? Знали же, что война идет. Однако Талли сказал, что он был отпрыском помощника шкипера, который с тех пор сбежал или был завербован в военный флот. У всех членов экипажа были истории о том, почему они оказались здесь и откуда они были родом, и большинство из них были ложью. Лучше было не спрашивать, как говаривал Талли.

– А ты сам поел? – спросил Натан мальчишку.

– Да, сэр, спасибо, сэр.

Натана ответ не убедил, но он решил не настаивать. Ему было почти столько же, когда он впервые вышел в море, и он всегда был голоден, но тогда он еще не участвовал в боевых действиях. И с тех пор тоже, если не считать того случая в устье Соммы.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на бриг: Боже, они уже выкатили носовые! Он вскочил и посмотрел в подзорную трубу. Шестифунтовые, и для них это было предельное расстояние, почти недостижимое, убеждал он себя. Он также обнаружил, что они спустили фальшивые флаги и подняли на корме триколор, хотя ему и не требовалось подзорной трубы, чтобы это увидеть. Он развевался с подветренной стороны, огромный, как парус, новый флаг республиканской Франции, друга и защитника Америки, хотя французские порты были заполнены американскими торговыми судами, захваченными в качестве призов. Он все еще смотрел на бриг, когда тот открыл огонь; оба орудия выстрелили одновременно, два языка пламени сверкнули сквозь дым, и мгновение спустя над водой разнесся двойной звук выстрела. Натан заметил, что оба ядра упали недолетом, примерно в кабельтове за кормой. Он отложил отбивную, тщательно вытер пальцы салфеткой и достал часы, чтобы засечь время. Он видел, как юнга во все глаза смотрит на него, – как Натан надеялся, с восхищением, – но это не было пустым жестом: он хотел посчитать, сколько времени у них уйдет на перезарядку.

Матросы уже поднимались обратно на палубу, то ли покончив с обедом, то ли не испытывая особого аппетита.

– Вахте левого борта обедать, – Натан заметил выражение лица Талли и разделял его сомнения, но приказ был отдан, и ему не хотелось его отменять. Он подошел к кормовому поручню, чтобы оттуда наблюдать за бригом. Нагонял ли он? Может, немного. Он прикинул угол брасов: возможно, если бы взяли грот на гитовы с наветренной стороны и повернули от ветра на румб или около того... – Я собираюсь попробовать кормовое орудие, – сказал он Талли.

"Спидвэлл" имел бортовой залп из шести четырехфунтовых пушек, на которые любой военный корабль смотрел бы с презрением, но на корме у него было длинное шестифунтовое орудие, которое Натан сам купил в Бристоле и установил, сдвинув штурвал на пару метров вперед, чтобы освободить место для отката. Это была новая пушка образца "Бломфилд", изготовленная компанией Сэмюэля Уокера, с петлей в верхней части спускового шнура, что значительно облегчало стрельбу под углом. Во время долгого плавания по Бристольскому каналу Натан несколько часов упражнялся в стрельбе по мишеням и отобрал пятерых человек для орудийного расчета. Хотя они никогда не смогли бы соперничать с экипажем "Нерея" в скорости, он был удовлетворен тем, как они заряжали орудие и стреляли из него. Теперь они при-

шли на корму по его приказу, повязывая головы платками и улыбаясь своим товарищам по кораблю, чьи ободряющие крики показались Натану тревожно похожими на насмешки.

Положив руку на казенник орудия и глядя через корму в сторону преследователя, он прикинул расстояние. Одна шестифунтовая против двух – это гораздо лучший шанс для него, чем если бы они обменивались бортовыми залпами, и брига может и не понравиться такая дуэль. Уж точно не сейчас, когда в море полно британских военных кораблей, которые могли бы захватить капера, если бы он получил хотя бы незначительные повреждения такелажа.

Он уловил взгляд Соломона Пратта, которого он назначил канониром. Натан сильно подозревал, что он был дезертиром из британского флота, у которого был большой опыт в артиллерийском деле. Даже за то короткое время, что они плавали вместе, между ними возникло определенное соперничество в том, что касалось орудия, и, к тайному сожалению Натана, команда стала называть пушку "Член Пратта".

– Раскрепить орудие, – приказал он, не обращая внимания на то, что канонир нагло качал головой и поджимал губы, оценивая расстояние до брига.

Послышался скрежет железа, когда они откатывали орудие от порта, удерживая его на боковых таях.

– Открыть порт.

Подносчик пороха, мужчина лет сорока по имени Джозеф Герни, подал картуз, а матрос с прибойником вынул пробку из дула и с силой забил мешочек в канал ствола. Канонир проволокой нащупал картуз сквозь запальное отверстие.

– Готово, – крикнул он.

– Зарядить орудие, – приказал Натан.

Шестифунтовое ядро исчезло в стволе, а за ним последовал пыж.

– Накатить орудие.

Они налегли на боковые тали и с силой прижали лафет к борту.

– Максимальный угол возвышения, – скомандовал Натан Пратту, отходя в сторону, пока один матрос поднимал ствол гандшпугом, а канонир вбивал клин, чтобы поднять его на десять-одиннадцать градусов, – столько позволял порт.

– Пробить заряд.

Канонир вогнал проволоку в запальное отверстие, чтобы проткнуть картуз, а затем насыпал мелкий порох из своего рога. Он сделал это с некоторым пренебрежением, поскольку Натан недавно приобрел кремневые затворы, а Пратт, консерватор в душе, был твердо привержен фитилям, которые он считал более надежными, хотя они часто гасли. "Вы всегда можете снова зажечь фитиль снова", сообщил он Натану, "а если откажет этот ваш кремневый затвор..." Натан твердым голосом заверил его, что "Тогда его следует заменить". Он был рад, что канониром у него служит моряк, но не собирался выслушивать никаких указаний от дезертира.

– Наводи, – скомандовал он.

Они, кряхтя от натуги, поворачивали орудие до тех пор, пока канонир не был настолько доволен, насколько это было возможно на такой дистанции. Он кивнул Натану и присел на корточки сбоку от лафета, пристально глядя в порт и держа в руке запальный шнур.

Натан прислушался к движению палубы под ногами. Он почувствовал, как нос корабля поднялся, а затем начал опускаться, затем волна подступила к корме, и, в свою очередь, поднялась и корма...

– Пли!

Канонир дернул за шнур, кремнь опустился, высекая искры, и в тот же миг картуз взорвался. Тонкая струйка огня вырвалась из запального отверстия, а из дула вылетел гораздо более мощный столб пламени и дыма; лафет отскочил назад на два метра, и Натан с канониром чуть не стукнулись головами, пытаясь разглядеть, куда упадет ядро.

Короткий белый водяной столб взметнулся примерно в кабельтове от носа брига, а через пару секунд еще один, поменьше, и за ним последний, – ядро срикошетило на беспокойном море и утонуло недалеко от бушприта, всего в нескольких метрах в наветренную сторону.

Мгновение спустя ответили носовые преследователя, теперь с интервалом в несколько секунд, но оба ядра по-прежнему упали на приличном расстоянии от кормы "Спидвэлла" и далеко по правому борту. Натан вытащил часы: с первого выстрела прошло не меньше четырех минут. Плохо. То есть очень хорошо, если подумать. Но, возможно, они выжидали, пока подойдут поближе.

Краем глаза он заметил молодого Койла, который стоял у поручня и жадно наблюдал за происходящим. И что с ним было делать? Можно было, конечно, отправить его вниз, но это бы ужасно его оскорбило и расстроило. Какой-то чертенок внутри него предположил, что оскорбления и расстройства – удел маленьких мальчиков на корабле, и напомнил ему о его собственных страданиях в том же возрасте, но черти, как и канониры, должны знать свое место.

– Эй, парень, поднимайся на марс и наблюдай за тем, как будут ложиться ядра, – сказал он. – И поживее, нам нужны будут твои доклады.

И он повернулся обратно к пушке, которую уже пробанили и перезарядили.

– Накатывай... Пробить заряд...

И так продолжалась неспешная перестрелка в водах Ла-Манша, под дьявольскую музыку ветра и выстрелов: визг железных колес лафета и скрежет затвора, жалобный скрип канатов и каждые несколько минут громкий звук выстрела. Экипаж молчал, за исключением Натана, канонира и юнги на грот-марсе, докладывавшего о падении ядер.

– Недолет на полкабельтова... Пару метров в подветренную сторону, – А затем его голос сорвался от радости: – Есть, попали! – Юнга подпрыгивал, как сумасшедший, так что Натан испугался, как бы он не провалился прямо в марсовую дыру и не грохнулся на палубу, и все из-за небольшого рваного отверстия в переднем нижнем парусе брига, которое нисколько не замедлило его движения.

Затем ядро, выпущенное с брига, отскочило от волны и выбило большую щепку из поручня в метре от того места, где стоял Натан, и на мгновение его потрясла сила выстрела и мысль о том, что оно могло бы сделать с плотью и костями живых людей, и ему пришлось заставить себя выбросить все это из головы и сосредоточиться на размеренной, методичной стрельбе из орудия.

Они снова попали, сделав еще одну маленькую пробоину в парусе, а бриг все приближался, как будто они были соединены длинным канатом, и его медленно подтягивали ближе. Натан рассчитывал, что через двадцать минут, самое большее через полчаса, бриг повернет против ветра и даст бортовой залп. Он посмотрел на солнце, но оно, казалось, неподвижно зависло в небе, словно застывший, равнодушный зритель, наблюдающий за их смертельной игрой.

Теперь их разделяло меньше километра, и следующий выстрел сопровождался воем и визгом, заставившими Натана посмотреть на юнгу наверху, потому что теперь они стреляли книпшелями, чтобы перерезать такелаж. Он почти уже начал молиться, но был ли там какой-то справедливый бог, что прислушался бы к молитве за мальчика, а не за французов, которых они пытались убить?

– Следующий я сам наведу, – сказал он канониру, подходя к орудью. Последние два выстрела прошли высоко и мимо цели, и он приказал им отвести подъемный клин примерно на два сантиметра, чтобы опустить ствол на пару градусов. Он проверил кремнь в затворе, – Соломону доставило бы огромное удовольствие увидеть, как он даст осечку, – высыпал из рожка порох для запала, взялся за шнур, подождал, пока поднимется и опустится нос судна, почувствовал, как волна пробежала под корпусом, точно ловя момент, когда она поднимет корму, и дернул.

Было удивительно, как от рывка тонкого шнура может возникнуть такой яростный рев, такой грохот железа, огонь и дым. Пушечный лафет весом в двести килограмм пронесся в трех сантиметрах от его ноги, а затем орудие накатило обратно с громким скрежетом канатов.

– Попали, попали! – Парнишка снова подпрыгивал от восторга. – О, сэр, прямо в их пушку угодило, прямо в пушку!

Натан бросился на ванты и поднес подозрную трубу к глазу. Когда дым рассеялся, а ветер откинул волосы с его лица, он увидел, какой хаос творился на носу брига. Ядро попало в дуло правого носового орудия и сбросило его с лафета, пробив порт и, несомненно, устроив ужасную бойню на палубе.

– Они поворачивают – крикнул юнга, но Натан уже увидел белые вспышки вдоль борта и выкатываемые орудия и заорал: “Ложись! Всем лечь!” – за мгновение до того, как бриг дал бортовой залп. Адский вой и визг цепей, треск ломающегося дерева и рвущейся парусины, похожий на сильный порыв ветра в лесу. Он был уверен, что мальчишка погиб, но когда он поднял глаза, то юнга все еще был наверху, с потрясенным и негодующим видом оглядывая разорванный такелаж вокруг себя.

Натан выкрикнул несколько приказов, следуя которым, половина команды бросилась наверх спасать то, что осталось от грота, который бешено трепыхался в подветренную сторону, и грот-рея, который едва держался. Он оглянулся на бриг, ожидая, что тот возобновит погоню, но, к его удивлению, тот завершал разворот, поворачиваясь к нему кормой. Господи, да они же бегут! Тот бортовой залп был прощальным приветом, мстительным пинком в спину, а теперь они удирали, и это всего лишь от удачного попадания, которое сбilo одно орудие. Он не мог поверить, что его капитан оказался таким трусом.

Однако трусом он не был.

– Вижу парус! Два румба по правому борту, – слышался отчаянный крик с фор-марса. Натан резко повернул голову и почувствовал, как сердце уходит в пятки: на них надвигался огромный корабль с гигантскими парусами и длинным двойным рядом пушек, торчащих из портов вдоль черно-желтого корпуса.

Глава 8 – Билли с фонарем

74-пушечный "Беллерофонт" был одним из самых быстрых кораблей британского флота, названным в честь героя греческой мифологии, который приручил крылатого коня Пегаса и попытался улететь на нем на небеса, но ему помешал великий бог Зевс, который послал овода, чтобы тот ужалил зверя и сбросил всадника. Но когда Натан вошел в капитанскую каюту с запечатанным конвертом, приготовленным для него Адмиралтейством как раз для такого случая, ему в голову пришла совсем другая история: незадачливого героя постигло еще одно несчастье, когда его отправили к ликийскому царю с запечатанным письмом, в котором его ложно обвиняли в том, что он спит с царской дочерью. Впоследствии "письмо Беллерофонта" стало эвфемизмом для обозначения документа, представляющего опасность для его владельца, и хотя Натан не мог себе представить, чтобы Первый лорд Адмиралтейства написал что-то настолько вредоносное, он все же недоумевал, почему ему не разрешили прочитать письмо до того, как оно было вложено в конверт и скреплено характерной черной печатью.

Он увидел, как взгляд капитана на мгновение скользнул по словам, написанным на единственном листе, затем резко метнулся к Натану, а потом вернулся к бумаге для более внимательного ее изучения. Наконец, он сложил письмо и аккуратно вложил его обратно в конверт.

– Что ж, ладно, хорошо, – сказал он, задумчиво хмурясь и разглядывая Натана.

"Беллерофонт" – трудное слово для носителей английского языка, или, по крайней мере, того его варианта, на котором говорили большинство членов его команды, поэтому он был известен среди них, как и среди и значительной части флота, как "Билли с фонарем", но Натан подумал, что это название в равной степени может быть применимо и к его капитану: добродушный здоровяк лет пятидесяти, с крупным веснушчатым лицом, крупными веснушчатыми

руками и, вполне возможно, крупной веснушчатой головой под напудренными буклями давно вышедшего из моды большого парика. Томас Пэсли был шотландцем, – вполне вероятно, что его никогда и не принимали за кого-то другого, – шотландцем из равнинной части страны, но с легкомысленным, плутоватым видом, свойственным джентльменам из горных ее регионов. Натан слышал о нем, но лично они не встречались, и это обстоятельство следовало считать удачным, если Натан хотел сохранить свою репутацию как нью-йоркского торговца и шкипера по фамилии Тернер.

– Меня просят оказать вам всяческое содействие в выполнении ваших обязанностей, независимо от их законности, – заявил капитан с лукавым видом. – что, полагаю, я в некоторой степени выполнил, отвадив того француза, который вряд ли так же сильно стремился быть вам полезным.

Натан подтвердил, что у него сложилось такое же впечатление, и еще раз выразил свою признательность за своевременное прибытие "Беллерофонта".

– Ага, – пробурчал его спаситель. – Так оно и было. Несомненно, вы также были бы признательны за помощь в исправлении того бардака, который он устроил в вашем такелаже, – Он отмахнулся от возражений Натана и вызвал слугу, чтобы тот передал его распоряжения старшему лейтенанту и принес бутылку бренди. – Полагаю, у этого господина будет время выпить со мной по стаканчику? – Подняв свои рыжеватые брови, он бросил на Натана взгляд, отменявший всякие возражения.

За стаканчиком последовал другой, а затем и третий, и в ходе беседы капитан Пэсли становился все более добродушным и проявил неожиданную теплоту к предполагаемым соотечественникам Натана.

– Это великий народ, – заявил он. – и великая зарождающаяся нация, хотя жаль, что это было столь болезненное рождение.

Пэсли участвовал в войне с Америкой, но, как он заверил Натана, с глубоким сожалением воспринял тот раскол, который привел сначала к восстанию, а затем к потере американских колоний, хотя и то, и другое можно было бы предотвратить, "если бы у кучки подхалимов в окружении короля было хотя бы столько же здравого смысла, сколько у жареной курицы".

Капитан, как понял Натан, был махровым вигом, и хотя он не заходил так далеко, как его единомышленники, радовавшиеся победам американцев над королевской армией, он не мог получить удовлетворения от подавления свободы тех, кого считал своими соотечественниками. Поэтому они по очереди выпили за здоровье президента Джорджа и короля Георга.

– Да вразумит его Господь, – добавил капитан в сторону, что, несомненно, в некоторых кругах было бы расценено как неуважение, если не предательство⁶. По его словам, "Беллерофонт" был выведен из состава из блокадной эскадры у Бреста, чтобы охранять безопасность королевской семьи во время их нынешнего визита в Веймут, поскольку король пристрастился к морским купаниям, а его министры опасались, что французы, узнав об этой причуде, могут послать диверсионный отряд, чтобы его похитить. – Несомненно, они бы и всю его купальню с собой прихватили, – заключил капитан, усмехнувшись.

Они пришли к выводу, что глупость чиновников сослужила хорошую службу "Спидвэллу". За это и выпили. Затем они выпили за порт Салем, который Пэсли однажды посетил во время франко-индейской войны и где его встречали очень радушно. Капитан к этому времени уже был в хорошем настроении, и когда Натан извинился за задержку, которую причинило его судно, Пэсли заметил, что он мог бы искупить свою вину, предложив нескольким своим матросам добровольно поступить на королевскую службу, поскольку он не сомневался, что эти ублюдки все равно так или иначе были дезертирами. Он расхохотался над замешательством Натана и извинился за "шутку".

Ага, подумал Натан, присоединяясь к его смеху, а шутил ли бы ты, не будь у меня защиты от Адмиралтейства?

– Осмелюсь сказать, мы достигнем Веймута раньше, чем любой французский отряд, – заявил Пэсли. – и его величество может спокойно принимать ванну, если позволите так выразиться. Вы направлялись в Уэсан, не так ли?

– Только чтобы ветер был с кормы, – признался Натан. – Я не собирался заходить так далеко.

– Нет, разумеется, – ответил капитан, о чем-то задумавшись. – Вы хорошо знакомы с Ламаншем?

– Не так хорошо, как хотелось бы, – осторожно ответил Натан, стараясь не выйти из роли капитана Тернера из Нью-Йорка, или Салема, или откуда там он должен был быть родом, о которой уже начал забывать.

– Ну, так вот он шире, чем вы думаете. От Уэсан до Силли все тридцать пять лиг, – сообщил он Натану, многозначительно подмигнув. – Знаете эту песню? – Натан не на шутку встревожился, когда капитан издал долгий стон, оказавшийся вступлением к песне: – О-о-о-о-о-о... Мы петь будем мощно, как должно британцам, Везде по морям наша песня звучит, – ревел он, топая ногами, что должно было означать ритм. – Пока не войдем в Английский канал мы, От Уэсан до Силли все тридцать пять лиг.⁷

Осторожный стук в дверь принес своевременное облегчение. Слуга капитана, с опаской поглядывая на обоих, доложил, что ремонт на судне Натана был завершен и он мог продолжить свое плавание.

– Что ж, берегите себя, – тихо сказал капитан, глядя, как Натан садится в гичку. – и не связывайтесь с врагами больше, чем необходимо.

Возвращение Натана на "Спидвэлл" было встречено улыбками и одобрительными возгласами экипажа, многие из которых, несомненно, опасались своего скорого перевода на службу к королю Георгу.

– Тишина на палубе! – крикнул Талли, но даже он изо всех сил старался сохранять невозмутимое выражение лица, когда спросил Натана, какой курс им следует взять.

– Такой, который приведет нас прямо в Гавр, – ответил Натан, тщательно подбирая слова. – и давайте будем надеяться, что больше нам ничто не мешает.

Уединившись в своей каюте, он достал письмо, которое вернул ему Пэсли. Капитан "Беллерофонта" сломал черную печать адмиралтейства и снова запечатал письмо каплей красного воска. После минутного колебания Натан просунул под печать лезвие кортика и вытащил лист из конверта.

На письме, как он и ожидал, был оттиснут знакомый якорь Адмиралтейства и стояла подпись Первого лорда. Но вот его содержание стало для него неожиданностью. В нем говорилось, что *"предъявитель сего, капитан Натан Пик, является гражданином США, отправляющимся с депешами к американскому посланнику в Париже"* и что *"упомянутому капитану Пикку должно быть разрешено беспрепятственно продолжать свое плавание и оказана вся необходимая помощь"*.

На первый взгляд, "предъявитель сего" мало что должно было беспокоить, но Натан не мог не задуматься над использованием его настоящего имени и характеристикой его как "американского гражданина". Почему они не употребили заранее оговоренный псевдоним "Тернер"? Возможно, Первый лорд опасался, что ему может встретиться офицер, который лично его знал, но в таком случае зачем было уточнять, что он американец? Если письмо предназначалось только для глаз британских офицеров, почему бы не указать, что Натан тоже был британцем? Не исключено, что происхождение Натана сделало его чрезмерно чувствительным к этому вопросу, но он не мог отделаться от ощущения, что Первый лорд хотел, чтобы его считали американцем не только французы. А зачем? Может, они хотели, чтобы, если что-то пойдет не так с его миссией, – если, например, обнаружится, что он перевозит контрабанду,

– то его бы разоблачили как американца, действующего в американских интересах или даже в своих собственных?

Натан покачал головой. Он не мог сообразить, что к чему, особенно потому, что его разум был затуманен коньяком, выпитым с Пэсли, хотя сомневался, что ему все стало бы намного яснее, если бы он был трезв. Но в одном Натан был уверен: он стал игрушкой в руках политиков, и, какую бы подлость они ни замыслили, он очень сомневался, что это пойдет лично ему на пользу. Он вложил письмо обратно в конверт, запечатал его как можно тщательнее и убрал в потайное отделение своего сундука.

Когда он присоединился к Талли на палубе, корпус "Беллерофонта" уже скрылся за горизонтом далеко к северу, а по правому борту темным пятном виднелось побережье Франции.

Глава 9 – Уличный театр

– Любопытно, – заметил Гилберт Имлей, когда они вышли из театра. – что, несмотря на войну, нехватку продовольствия, эти повозки смерти, тюрьмы и тот факт, что человека могут повесить за то, что он надел чистое белье или неподходящую обувь, в Париже нет недостатка в более приличных развлечениях, – Он бросил взгляд через плечо. – Жаль, что это все так скучно. Я видел восковые фигуры, которые играли лучше.

– Мы преклоняемся перед твоей проницательностью, мой дорогой, – пробормотала его жена в своей обманчиво мягкой манере. – несомненно, обретенной в то время, которое ты провел там, наблюдая, как эта маленькая швейцарская девочка делает восковые головы из настоящих.

Сара Сетон улыбнулась про себя, поправляя на плечах поношенную шаль. Она недавно познакомилась с четой Имлеев, но их отношения показались ей гораздо более интригующими, чем все, что она наблюдала в театре, особенно это последнее представление, которое действительно было таким плохим, как заметил Имлей. И все же театр переживал в Париже своего рода ренессанс, – как будто было недостаточно тех драм, что происходили на улицах. Саре часто казалось, что она была частью какой-то огромной аудитории, которая ходит с одного представления на другое. Хотя чаще всего нельзя было понять, являешься ли ты артистом или зрителем. И каждый был актером, готовым произнести свои реплики на сцене так, словно на их репетиции ушла целая жизнь, а маленький чиновник в углу что-то строчил, записывая все это для потомков. Или для суда над тобой.

– Пойдемте, мои дорогие, – Имлей предложил руку каждой из женщин. – Нам пора уходить, – Он нарочно повысил голос – для полицейских информаторов, которые могли скрываться поблизости. – Я с нетерпением жду встречи с миской каши и куском хлеба, а если у нас в доме найдется вино, мы поднимем наши треснувшие кружки за гражданина Робеспьера и Комитет общественного спасения. Да здравствует Республика!

– Дурак какой, – сказала Мэри, но взяла его за руку с радостью юной невесты, а Сара – за другую, и они вместе заковыляли в своих деревянных сабо по улице Санкюлотов, как ее недавно переименовали, хотя большинство парижан продолжали называть ее по-старому – Гратт-Кюль, "улица тех, кто чешет задницу".

Они уже почти добрались до дома, когда раздался бой барабана. Этот звук в Париже можно было услышать часто, но было бы разумно не игнорировать его: он мог стать последним звуком, который вы когда-либо слышали. Теперь до них уже доносились крики, не очень отчетливо, но достаточно, чтобы понять, о чем они возвещали, эти новые уличные глашатаи Парижа. Их главным словом была "смерть".

– Смерть богачам! Смерть церковникам! Смерть аристократам!

Сара споткнулась о булыжник, проклиная свои сабо; она еще не бежала, еще не испугалась, а скорее насторожилась, словно стремилась избежать неловкой встречи. Справа был проход, ведущий в небольшой дворик за высокими железными воротами. Имлей попытался их

открыть, но они были заперты. Он потряс решетку, но безуспешно. За воротами был уютный мощеный дворик с деревом, колодцем и веревкой с бельем...

– Полагаю, я мог бы поднять вас обеих, – рассудил он, бросив на Мэри недоверчивый взгляд, который при других обстоятельствах мог бы быть воспринят неправильно. Затем они оглянулись и увидели толпу, приближавшуюся по улице: хаос тряпок, знамен и флажков, красные шляпы и румяные лица в свете факелов, а впереди шел маленький барабанщик, отбивающий такт: там-там-там. Имлей начал кричать и размахивать шляпой, призывая Сару и Мэри сделать то же самое.

– Да здравствует народ! Да здравствует Республика! Смерть аристократам!..

Лучше было не вдаваться в детали: никогда не знаешь, кто сейчас был среди друзей, а кто среди врагов. А потом толпа поглотила их, и ее настроение, слава Богу, было дружелюбным или, по крайней мере, не откровенно враждебным. Это ведь были улыбки, а не ухмылки, правда? В любом случае, их называли гражданами, и Сара в кои-то веки порадовалась своему невзрачному костюму: коричневой юбке, черной шали и неряшливому триколору на шляпке. Она поднесла к руку к голове, чтобы убедиться, что флажок на месте. Ее понесло вперед, и кто-то обнял ее за талию и закружил в танце: одноглазый мужчина в потрепанной бобровой шапке и с мясницким ножом в руке. Она взяла его за запястье, чтобы убедиться, что его рука там, где положено, и он ухмыльнулся ей, глядя ей в глаза и показав гнилые зубы. Из рта у него пахнуло Бог знает чем.

Пока они танцевали, она видела недалеко от себя в толпе Мэри, которая пыталась дотянуться до нее, а потом они оказались на ее собственной улице, где рядом с ней возник Имлей, схватил ее за руку и увлек прочь, заискивающе улыбаясь мужчине с мясницким ножом. А потом он вдруг выругался, и она подняла голову и увидела, что толпа кого-то схватила. Это был мужчина средних лет, без шляпы, в сбившемся набок парике и темной одежде, с очками, съехавшими набок на переносице, похожий на клерка в юридической конторе или мелкого чиновника. Саре он показался похожим на крота, который роется в шкафах с документами в тусклом свете конторы, занимаясь своими делами или делами своих работодателей. Безобидный человек. Не было никакой видимой причины, почему он привлек внимание толпы. Но ведь толпой управляли невидимые импульсы, таинственные течения, настроения, угадать которые заранее было нельзя, а потом уже было поздно, и толпа захлестывала тебя. Может, это был парик, – парик ничего хорошего никому не сулил. А если он был еще и напудрен, это было смертельно. Он что-то протестующе бормотал, вертел головой из стороны в сторону, пытаясь привлечь внимание одного из своих мучителей, заглянуть кому-нибудь в глаза и пробудить в нем человечность. Она услышала крики "На фонарь его", которые раздавались все громче и перешли в жуткий вой. На стене над их головами горел уличный фонарь, и они перекинули веревку через крепление и в мгновение ока вздернули несчастного. Его короткие ноги бешено болтались всего в нескольких сантиметрах над землей, а пальцы цеплялись за петлю. Сара импульсивно шагнула вперед, но Имлей оттащил ее назад и покачал головой, свирепо глядя на нее: она что, сошла с ума? А когда она снова посмотрела на него, кто-то уже выпотрошил его одним быстрым, точным ударом мясницкого ножа, так что его внутренности вывалились на мостовую, как связка сосисок.

Ее стошнило прямо на мостовую. Затем она протолкалась обратно сквозь толпу, вытирая рот тыльной стороной ладони и надеясь, что никто не обратит внимание на такую ее чувствительность. Она знала, что будет дальше. За потрошением следует обезглавливание, а затем они потащат труп за собой по улицам, демонстрируя его в тех районах, где, по их мнению, это было бы наиболее поучительно, иногда оставляя части тела на подоконнике или в дверном проеме, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. Но двигаться против живого потока было невозможно, и толпа понесла ее за собой по улице, танцуя и распевая песни, а голова недавней жертвы покачивалась на пике в первых рядах колонны.

Потом они остановились и снова слышались эти ужасные крики "На фонарь его", и она увидела, что схватили кого-то еще. Этот человек был выше и держался прямее, чем тот, первый, но на шее у него была веревка, и они тащили его за собой, как дикого зверя. Молодой человек, довольно представительный, но с обветренным лицом и длинными темными волосами, распущенными и свисающими вокруг лица, – он был похож на цыгана, подумала она, или на моряка, – хотя и был прилично одет: в темно-синий сюртук, брюки и льняную рубашку с чистым белым воротником. Подойдя ближе, она увидела, что у него рассечена нижняя губа, а волосах кровь. Он оглянулась в поисках Имлея, надеясь, что он сможет это остановить. Обычно он носил под сюртуком пистолет, хотя, чтобы остановить такую толпу, этого было явно недостаточно.

Они перекинули веревку через фонарь и пытались вздернуть его, но он ухватился за столб и... Боже мой, он лез верх по столбу! Карабкаясь по фонарю с удивительной ловкостью, он отбрыкивался от толпы внизу и что-то кричал им по-английски, хотя и не на том английском, которому ее учили в монастырской школе. И тут рядом оказалась Мэри, крича на них на превосходном, хоть и не родном для английской гувернантки французском, и Сара бросилась к ней, думая, что теперь для них все кончено, и все из-за английского шпиона, которого они все равно убьют, но Имлей уже был рядом с Мэри, повышая голос на толпу в своей холодной, властной манере:

– Разве вы не видите, что он американец?

Казалось, эти слова возымели некоторый эффект. Толпа окружила свою жертву и смотрела на нее снизу вверх, словно на какого-то экзотического зверя в зоопарке. Он спрыгнул на землю и стащил с шеи веревку. Выражение его лица можно было даже назвать внимательным. Теперь все говорили, обвиняли, объясняли, и Сара поняла, что его преступление заключалось в том, что он не носил триколора. Но теперь, когда они узнали, что он был "гражданином Америки", некоторые, по крайней мере, были склонны проявить снисходительность. И пока все висело на волоске, мужчина встал, сунул руку в карман и достал что-то, – но не нож, как она опасалась, потому что это означало бы его смерть, а жестяной свисток. Он поднес его к окровавленным губам и начал играть, отбивая ритм ногой. Мелодия была Саре знакома, хотя сначала она не могла ее вспомнить, пока кто-то не начал петь слова – на английском. К ее изумлению, это был Имлей.

– Янки Дудль к нам верхом

Приезжал на пони,

Шляпу круглую с пером

Звал он макарони.

Он начал следующий куплет, но сбился, и музыкант перестал дудеть и пропел уверенным тенором, размахивая свистком, как дирижерской палочкой:

– Янки-Дудль, поскачи,

Янки-Дудль–денди!

Да смотри не оттопчи

Ноги нашей Сэнди!

И Сара могла поклясться, что он поймал ее взгляд и подмигнул. Затем он снова поднес свисток к губам и сыграл джигу, и в этом было что-то такое дикое, безумное, заразительное, что все вокруг присоединились к нему, танцуя и подпевая ему какими-то своими словами. Он волшебник, подумала она, колдун. А потом толпа снова пришла в движение, их тени заплясали на стенах, а труп жертвы подпрыгивал позади, как кроличья лапка на веревочке, носимая на счастье, и они остались стоять, глядя друг на друга, как гости на вечеринке, которых никто не догадался представить.

– Полагаю, я вам обязан своей жизнью, – сказал человек. Казалось, он был этим смущен.

– Никогда не выходите без триколора на шляпе, – строго сказал Имлей. – Это равносильно смертному приговору.

– Не могу с вами не согласиться, – ответил человек. – Но у меня был триколор на шляпе. Должно быть, я его потерял. А теперь я и шляпу потерял.

Сара увидела, что шляпа лежит на краю улицы, и подбежала, чтобы поднять ее. Отдав ее владельцу, она почувствовала себя какой-то школьницей.

– Благодарю вас, – Казалось, он только сейчас заметил ее. Она подумала о своем неопрятном виде и блевотине на туфлях, но он даже не взглянул на них. – Меня зовут Тернер, – сказал он, переводя взгляд с нее на Имлея. – Натаниэль Тернер, из Нью-Йорка.

Сара заметила настороженное выражение на лице Имлея, но он назвал и представил своих спутниц:

– Моя жена Мэри и наша подруга мадам Сетон.

– Имлей? – повторил человек. – Но ведь я приехал в Париж как раз для того, чтобы встретиться с вами. Я ждал вас на крыльце, – Он наполовину обернулся к дому позади них, дому Сары. Она увидела лежащую у края лестницы сумку, очень похожую на те, что моряки носят через плечо. – Служанка сказала, что вы скоро вернетесь. Слава Богу, что так и вышло.

– Проклятая дура, – сказал Имлей, глядя на Сару так, словно это была ее вина. – она оставила вас на улице.

– Может, нам и сейчас не стоит тут стоять? – холодно спросила Мэри. – Особенно после этой бойни.

Внезапно человек, казалось, заметил лужу крови и внутренности на булыжной мостовой и мух, уже собиравшихся над ними. Выглядел он несколько потрясенным.

– Добро пожаловать в Париж, мистер Тернер, – сказала Сара, чтобы скрыть его и свое смущение. – Вы к нам надолго?

Глава 10 – Гиена в юбке

– Это был не тот прием, которого я ожидал, – признался Натан, опускаясь на мягкие подушки дивана в помещении, которое он принял за гостиную Имлея. – но я очень рад, что наконец нашел вас, даже с веревкой на шее.

– Да, отлично, – кивнул Имлей, хотя Натан уловил скрытую подозрительность во взгляде, который тот бросил на него. – Если только я не должен вам денег, ха-ха.

Жена бросила на него взгляд, по которому Натану стало ясно, что такое вполне могло случиться.

– Вовсе нет, – поспешил заверить их обоих Натан, пытаясь улыбнуться, но эффект был несколько испорчен вспышкой боли в разбитой губе. – На самом деле у меня есть кое-что для вас. Только я оставил это в Гавре.

В ответ Имлей бросил на него еще более пронзительный взгляд.

– Вы приехали из Гавра?

– Да, напрямиком оттуда. За исключением того, что, по-видимому, он называется не Гавр, а Порт-Марат, в честь джентльмена, которому не повезло быть зарезанным в собственной ванне за дело Революции, – по крайней мере, так мне рассказали, – и улицы тоже были переименованы, что затруднило поиск адреса, который мне дали, и когда я все же нашел это место, то узнал, что вы отбыли в Париж и вернетесь нескоро, так что... – Он сделал паузу, чтобы передохнуть. – Поскольку у меня были инструкции передать мой груз лично вам в руки и никому другому, а также депеши, предназначенные для срочного ознакомления американскому послу в Париже, и поскольку я был уверен, что поездка в дилижансе займет не более одного дня, я решил отправиться в столицу. Хотя этот путь занял у меня три дня, а не один, потому что было больше болот, чем дорог, а большинство лошадей на станциях забрали на войну.

Он снова замолчал, понимая, что слишком много болтает. Ему все еще было не по себе, и действительно, какая-то его часть до сих пор была на том фонарном столбе или тащилась

за безжалостной толпой. Он понял, что чета Имлеев молча смотрит на него. Они были красивой парой, старше Натана лет на десять, а мужчина, возможно, и больше, хотя выглядел он молодо. Он был высок, худощав и выглядел по-американски представительно, – иными словами, несмотря на всю его внешнюю утонченность, в нем было что-то от жителя Дикого Запада: человек, больше привыкший бывать на улице, чем в помещении. Натан чувствовал в нем какую-то сдерживаемую энергию или беспокойство. Гилберт Имлей, американский судовый агент в Гавре. А кем он был на самом деле? Вот что волновало Натана. Что касается жены, то она показалась ему странно знакомой, хотя, конечно, они не могли раньше встречаться. Он порылся в памяти, но там царил такой же сумбур, как и в его речи.

Имлей заговорил первым.

– "Мой груз"?

– Прошу прощения?

– Вы сказали "мой груз".

– Ах да, Простите. Табак. Пятьсот ящиков. На барке "Спидвэлл", из Салема.

Имлей бросил взгляд на жену, потом снова посмотрел на Натана.

– Табак? – повторил он, как будто это было название какого-то экзотического животного, которое не встречалось в Европе.

– Табак, сэр, – подтвердил Натан. – Лучший виргинский.

Дальнейшему обсуждению таинственного груза помешало появление второй женщины с тазом воды в руках, за которой последовала служанка с полотенцами. Натан запротестовал, что она не должна утруждать себя, но она сказала что-то по-французски, чего он не разобрал, и притронулась к запекшейся крови над его правым ухом, пока горничная держала полотенце, чтобы не капало на пол.

– Чем это они вас? – спросила дама на безупречном английском, осторожно смачивая рану какой-то жидкостью из бутылки, – возможно, спиртом, во всяком случае, жгло так же.

– Боюсь, в то время я был не слишком внимателен, – признался Натан. – но мне показалось, что это был дубинка.

Его воспоминания об этом случае были смутными, ведь толпа набросилась на него так быстро. Только что он сидел на ступеньках и наблюдал, как толпа движется по улице, словно на параде, а потом они окружили его со всех сторон, рыча, как волки, и размахивая мясницкими ножами и стальными крюками у него перед носом. Казалось, им не понравилась его шляпа. "Шляпа", спросил он, "А что с ней не так?" Он протянул руку к шляпе и понял, что на ней больше нет триколора. Они потащили его по улице, что-то крича про какой-то фонарь, а что именно, он не мог разобрать. А потом он увидел уличный фонарь, и ему все стало ясно. Он вздрогнул от этих воспоминаний.

– Извините, если вам немного больно, но все не так страшно, как могло показаться, – сказала его симпатичная целительница. Даже более чем симпатичная: волевое, но ни в малейшей степени не мужественное лицо, полные губы, безупречный цвет лица. Как же ее звали? Он уже забыл ее имя. – Зажимайте рану полотенцем, пока кровь не остановится. Возможно, вам и это пригодится, – Она протянула ему влажную фланелевую тряпку, и он одной рукой вытер лицо, а другой прижимал полотенце к голове. Он почему-то почувствовал себя ребенком, который упал и ушибся, и теперь за ним ухаживает мать. Она действительно чем-то напоминала его мать, хотя и была значительно моложе. Натан уловил исходящий от нее свежий аромат лаванды и чего-то еще, более неуловимого и менее невинного.

Когда он отнял тряпку от лица, она была испачкана кровью, – предположительно, из раны на голове. Вид у него, вероятно, был не очень. Он покосился на свой воротник, и ему показалось, что там тоже кровь. Натан надеялся, что хотя бы не испачкал диван. Он потянулся, чтобы взять другое полотенце у служанки, но ее хозяйка взяла его и сама вытерла ему лицо. Покраснев от стыда, но и от удовольствия тоже, он поймал ее взгляд, когда она отнимала поло-

тенце, и почувствовал себя еще лучше. Но она ушла, даже не оглянувшись и забрав с собой таз, полотенца и служанку.

Супруги посмотрели друг на друга, и через мгновение – после того, как Имлей едва заметно, но решительно кивнул, – его жена встала и вышла из комнаты вслед за двумя другими женщинами, с небольшим, но очевидным усилием захлопнув за собой дверь.

– Так вот, этот груз? – выжидательно спросил Имлей. – Если вы в состоянии...

– О, я в порядке, благодарю вас, – заверил его Натан. – Да. Табак. Вы его не ожидали?

– Я ждал его еще несколько месяцев назад, – заявил Имлей с довольно странным выражением лица. – Я уже считал, что груз утерян, – Он задумчиво посмотрел на Натана. – Я полагаю, что он ведь не из самого Салема ехал.

– Да, не напрямую, – уклончиво ответил Натан. Он не был уверен, какой информацией мог поделиться.

– И сейчас он в Гавре?

– На борту "Спидвэлла", сэр, и ожидает ваших распоряжений.

Имлей кивнул.

– Если вы в состоянии, – сказал он. – мы отправимся в путь завтра утром, и я распоряжусь о его хранении. Но, разумеется... – Он показал на полотенце, которое Натан все еще прижимал к ране на голове. Натан осторожно отнял его, чтобы снова не пошла кровь.

– О, я в порядке и готов ехать, – ответил он. – Более того, с моей точки зрения, чем скорее я избавлюсь от груза, тем лучше.

– Именно, – По тону Имлея было ясно, что он больше не хотел обсуждать этот вопрос. Он немного помолчал. – Вы сказали, что привезли депеши для американского посланника.

– Верно, – Натан был готов упомянуть о них так же кратко, как Имлей о грузе, хотя на самом деле, если бы они встретились в Гавре, он был бы рад тоже передать их агенту.

– Так вы встречались с господином Гувернье Моррисом? – В том, как он произнес это имя, что-то указывало если не на неодобрение, то на некоторую сдержанность.

– Да, и именно он сказал мне, что я могу найти вас здесь.

"Вы, вероятно, найдете его в доме 188 по улице Конде", сказал Моррис, "В Париже он обычно останавливается там". Вероятно. Обычно. Он как-то скривил губы при этом. И ничего не упомянул о жене.

Послышался короткий стук, и она снова появилась в дверях, выглядя лишь немногим менее недовольной, чем когда уходила.

– Сара говорит, что мистеру Тернеру стоит остаться на ночь, – сказала она, глядя на Имлея, а не на Натана. По ее тону ничего нельзя было понять. – А обед будет подан через несколько минут.

Натан открыл рот, чтобы возразить, но не смог вымолвить ни слова, хотя и держал рот открытым гораздо дольше, чем того требовали приличия. Он только что вспомнил, почему жена Имлея показалась ему знакомой. Он действительно встречал ее раньше, в доме матери, когда жил на берегу на половинном жаловании. Только фамилия у нее была не Имлей, а Уолстонкрафт. Мэри Уолстонкрафт, автор книги "В защиту прав женщин". Женщина, которую Хорас Уолпол называл "гиена в юбке".

– Итак, что же думает Америка о нынешней ситуации во Франции, мистер Тернер? – спросила Мэри Уолстонкрафт, или Имлей, или под каким там еще именем она в настоящее время выступала.

В ее голосе и во взгляде, которым она одарила его через обеденный стол, чувствовалась ирония, но Натан предположил, что это скорее относится к Америке в целом, чем к нему самому. Не было никаких признаков того, что она помнила его по их единственной короткой встрече; это было на одном из званных вечеров его матери около двух лет назад, когда только

что вышла ее книга и она на какое-то время стала самой известной – хотя, возможно, и не в самом выгодном свете, – женщиной в Лондоне.

– Насилие вызывает некоторые опасения, – осторожно ответил Натан, хотя это было достаточно нейтральное предположение. Эта женщина вызывала у него какой-то страх, как и в первый раз, когда они встретились. Он прочитал всего несколько страниц из ее книги, – всего в ней было более трехсот, что было для него многовато, чтобы переварить за один присест, – но из названия и тех критических замечаний, которые он читал или слышал о ней, он понял, что ее главным постулатом было то, что женщины были во всем равны мужчинам. У самого Натана это утверждение не вызывало каких-либо возражений. Он всегда считал свою мать равной отцу во многих отношениях и даже превосходящей его во всем остальном, – за исключением, возможно, командования военным кораблем, чего она еще не пыталась делать, и разведения овец. Но традиционное общество отвергло идею равноправия женщин как возмутительную, а ее сторонницу посчитало чудовищем. "Я – первая в новом роду", провозгласила она, и, с точки зрения общества, первая должна была стать и последней. На чудовище она не была похожа. Напротив, она была довольно привлекательна, хотя и немного полновата и с одним чуть опущенным веком, из-за чего казалось, что она вам подмигивает, но в ней было что-то прекрасное, смелое, дерзкое, что ему понравилось.

– А, насилие, – сказала она. – Да, что ж, оно всех нас беспокоит, мистер Тернер.

Хотя она велела ему называть ее по имени, сама она продолжала обращаться к нему "мистер Тернер", – как ему показалось, с несколько насмешливой официальнойностью, как будто он был недостаточно взрослым, чтобы именоваться этим титулом. Он обнаружил, что избегает встречаться с ней взглядом, и вместо этого уставился на блюдо, которое поставила перед ним служанка: какое-то рагу, в основном из овощей, но с кусочками мяса и клецками с зеленью. Блюдо было довольно вкусным, хотя с разбитой губой ему приходилось есть осторожно. Он опасался, что она выглядит очень распухшей.

– До того, как я приехала в Париж, я считала слухи о насилии преувеличенными, – продолжила Мэри, обращаясь ко всем сразу. – В конце концов, в Лондоне тоже бывают бунты. А что касается казней, то я, конечно, не могу их одобрить, но осмелюсь сказать, что в любом графстве Англии столько же повешенных или сосланных за кражу какой-нибудь овцы. Но на улицах царит отвратительное насилие, и я не могу не предположить, что оно поощряется теми, кто находится у власти или стремится к ней.

Никто на это ничего не ответил. Имлей поглощал свое рагу так, словно это была его первая еда за несколько дней, а другая женщина, Сара, пыталась поймать взгляд служанки и делала движения, как будто наливала что-то из бутылки. Она сменила невзрачное платье и шаль на шелковый халат, заметив, что на улице ей, может, и приходится ходить в лохмотьях, но в собственном доме она может носить все, что ей нравится. Натан точно не собирался против этого возражать, поскольку, несмотря на сдержанный лиловый цвет, вырез наилучшим образом подчеркивал ее грудь. Хотя без одежды она выглядела бы еще лучше. Когда он более или менее пришел в себя, он нашел ее совершенно соблазнительной. Она была старше его, возможно, на четыре или пять лет, но это только добавляло ей привлекательности. Она уложила волосы в высокую прическу и подкрасила щеки и губы, но почти не пудрилась. Он не мог оторвать от нее глаз.

– А кто сейчас у власти? – вежливо поинтересовался он, когда молчание затянулось чуть дольше, чем было необходимо.

– Никто, – ответил Имлей, не поднимая глаз от тарелки. – В этом и проблема. Образовался вакуум.

Он шумно продолжил хлебать рагу.

– Чепуха, – сказала Мэри. – Все знают, у кого сейчас власть, хоть он и притворяется, что это не так.

– Неподкупный, – пробормотал Имлей загадочно, так и не подняв голову от рагу.

– Робеспьер, – заботливо объяснила Сара Натану.

Имлей покачал головой.

– У Робеспьера нет никакого официального статуса...

– Кроме того, что он является голосом Комитета, – перебила его жена.

– Комитет общественного спасения, – добавила Сара для своего подопечного. – который назначается Национальным собранием для надзора за всеми аспектами государственного управления.

– Он обязан своей властью толпе, – заявил Имлей. – а толпа, как известно, непостоянна.

– Настоящая власть в Париже принадлежит толпе, – объяснила Сара. – А есть те, кто пытаются ее контролировать, – как Робеспьер...

– Или Дантон, – вставил Имлей.

– Если бы только он перестал пить и бегать за женщинами, – добавила его жена.

– О, ну за женщинами он уже не бегает, – мягко поправила Сара.

– Даже за вами, дорогая? – спросил Имлей с ухмылкой уличного сорванца. В нем действительно что-то было от непослушного мальчишки, несмотря на его рост и представительную внешность. Он напоминал школьника, который вечно будет подшучивать над своими товарищами и над учителями, будучи уверенным, что сможет избежать последствий.

– Даже за мной, сэр, ведь у него теперь молодая жена. Но я боюсь, что наша беседа утомительна для гостя.

Так оно и было. Натан слышал и о Робеспьере, и о Дантоне, которых английская пресса часто высмеивала как демагогов, но он был ошеломлен обилием новой информации. Очевидно, хозяйка дома вращалась среди интересных людей. Как и его мать? Эта мысль пришла к нему неожиданно и встревожила его.

– Ситуация в Париже такова, что ни одна власть не может существовать без поддержки толпы, – заявила Сара. – но это то же самое, что ехать верхом на смерче или, скорее, на чудовищном звере, и если ты упадешь... – Она открыла рот и резко клацнула зубами. Натан представил, каково это было бы, если бы она укусила его. Он понимающе кивал, как будто следил за ходом беседы, но на самом деле его гораздо больше интересовала хозяйка дома, чем ситуация во Французской Республике.

Судя по всему, это был ее дом, а не Имлеев, как он сначала предположил, хотя он понял, что Гилберт Имлей иногда останавливался здесь, когда был в Париже, несмотря на то, что Мэри, судя по всему, жила в маленькой деревушке на окраине. Так было ли что-то между Имлеем и Сарой? Натан не уловил никакой натянутости между ними, в то время как Мэри, казалось, смотрела на своего мужа с неподдельной нежностью. И что там насчет мужа Сары? До сих пор о подобном существе не упоминалось, хотя Мэри говорила о ребенке, мальчике по имени Алекс, который спал где-то в доме. Натан раздумывал, как бы поднять эту тему, когда она возникла сама собой в ходе разговора. Они обсуждали войну, которая, по их мнению, была оправданием всевозможных репрессий, когда Мэри, понизив голос и оглядевшись, чтобы убедиться, что в комнате нет слуг или правительственных агентов, спросила ее, получала ли она в последнее время какие-либо известия о Тюренне.

Натан подумал, что это какое-то место, но вскоре стало ясно, что так звали того самого отсутствующего мужа, который бежал из Франции, чтобы избежать тюрьмы или чего похуже, и теперь находился при французском дворе в изгнании в Кобленце. Натан понял, что его жена предпочла остаться в Париже, чтобы защитить их имущество и интересы своего маленького сына, для чего вернула себе девичью фамилию Сетон.

– Мой отец был шотландским солдатом и искателем приключений, – сообщила она Натану с некоторой гордостью. – Это его портрет над камином, а на заднем плане можно увидеть семейную вотчину.

Натан повернулся на стуле, чтобы рассмотреть изображение свирепого бородатого джентльмена, обеими руками сжимавшего рукоять того смертоносного оружия, которое, как он полагал, шотландцы называли клеймором. "Вотчиной", о которой она говорила, должно быть, был древний замок за его правым плечом.

– Он сражался на стороне принца Чарльза Стюарта в битве при Каллодене, – сказала она Натану. – и был вынужден отправиться в изгнание.

– Так вы шотландка?

– Наполовину. Моя мать была француженкой, и я родилась в Провансе.

– Все мы изгнанники, так или иначе, – заметила Мэри. В ее голосе послышались резкие нотки, из которых Натан понял, что она не допустит, чтобы их беседа стала приватной. – Хотя, как я понимаю, вы вскоре вернетесь на родину, мистер Тернер.

– Как только я доставлю свой груз, – подтвердил он, взглянув на Имлея, в глазах которого можно было уловить предостережение.

– А где в Америке вы живете?

– Моя семья в Нью-Йорке, – сказал ей Натан. – Но я уже долгие годы в море.

– А, Нью-Йорк. Я не могла определить ваш акцент.

– Вы выглядите уставшим, капитан, – заметил довольно резко Имлей. – Полагаю, вам следует хорошо выспаться.

Так оно и было. Натан чувствовал, что глаза у него вот-вот закроются.

– Ну, разумеется, и о чем мы думали, – сказала хозяйка обеспокоенно. – Неудивительно – после того, через что вам пришлось пройти...

Натан не был уверен, что утомило его больше, – недавнее испытание или то, что последние две ночи он провел в дороге. Но бывали моменты, когда он все еще чувствовал веревку на шее и жуткую пустоту под ногами.

– Что ж, ваша комната готова, сэр, и вам не следует задерживаться из-за нас.

– Действительно, и нам тоже уже пора, дорогая, – сказал Имлей Мэри. – потому что мне нужно организовать нашу поездку в Гавр.

Натан только сейчас понял, что ни один из них не планировал провести здесь ночь. Он останется с хозяйкой дома наедине, если не считать ее слуг и спящего ребенка.

– А вам обязательно уезжать завтра? – спросила она Имлея. – Ведь мистеру Тернеру нужно время, чтобы прийти в себя после всех этих ужасов.

– Я найму экипаж, – заявил Имлей. – и мистер Тернер сможет спать всю дорогу до самого побережья.

– Тогда нам лучше отвести вас в постель, – сказала Сара, посмотрев на Натана таким взглядом, который, несмотря на всю его усталость, привел некоторые его способности в состояние повышенной готовности.

– Доброй вам ночи, – пожелал ему Имлей, когда они прощались у двери. – Я буду здесь рано утром.

– Счастливого пути, – пожелала Мэри и добавила тихо, почти шепотом: – и передайте привет матери, когда в следующий раз будете в Лондоне.

Глава 11 – Разносторонняя личность

Ночь перед отплытием в Гавр Натан провел, подробно обдумывая свою фиктивную биографию нью-йоркского судовладельца. Если бы Имлей высказал опасения своей жены по поводу того, что он на самом деле является сыном одного из ее ближайших лондонских друзей и офицером Военно-морского флота Его Британского Величества, он был готов предположить, что она, возможно, приняла его за другого, а, в крайнем случае, высказать сомнения в остроте ее зрения, не говоря уже о том, что у нее в роду, вероятно, и сумасшедшие были.

Однако его беспокойство оказалось напрасным. Имлей не проявил ни малейшего интереса к национальности Натана, его происхождению, политическим или религиозным взглядам. Говорил он только о себе.

– Меня называли разносторонней личностью, – сообщил он Натану в ответ на его вежливый вопрос, когда их карета двигалась на запад через Булонский лес. – И действительно, я был солдатом, искателем приключений, первопроходцем, охотником, писателем, а теперь, похоже, торговцем и морским агентом. Одна цыганка однажды сказала моей матери, что у меня будет семь жизней, и, по моим собственным подсчетам, я уже израсходовал пять из них. Но я хотел бы, чтобы меня запомнили как литературного деятеля.

Его приключения начались, когда он был офицером армии Вашингтона, "сражаясь с бриттанцами", сказал он с плутоватой ухмылкой, которая свидетельствовала о том, что он кое-что знал об истинной личности Натана. После чего он присоединился к другим ветеранам войны в освоении приграничной территории Кентукки. Он бродил по лесам и горам, преодолевал пороги, путешествовал на плоскодонке по великой реке Огайо, сражался с краснокожими, нанес на карту одну совершенно новую территорию, купил восемнадцать тысяч акров на реке Ликинг и нашел время написать обо всем этом книгу. "Топографическое описание западной территории Северной Америки", произнес он важным тоном, но с пренебрежительным жестом, как будто это было слишком внушительное название для столь скромного труда. Хотя он сразу же опроверг этот жест, сообщив Натану, что книга была опубликована Дебре в Лондоне с целью поощрения эмиграции.

– Это великая страна с огромным потенциалом, – сказал он своему спутнику так, словно тот был потенциальным инвестором. – Там нужны только люди, и тогда у нас будет новая западная империя.

Натан поднял деликатный вопрос о тех, кто уже населяет эту землю.

– Да ведь это же дикая местность, – удивленно ответил Имлей. – к западу от Огайо нет почти ни одной живой души, кроме нескольких французских трапперов и охотников, – ну, и дикарей, конечно.

Натан признался, что имел в виду именно дикарей, ведь он слышал мнение своей матери на этот счет, хотя она и была больше склонна винить англичан в том, что они отказались от своих владений, чем своих соотечественников в том, что они их захватили.

– Это благородные люди, – ответил Имлей. – Я провел среди них какое-то время и знаю несколько слов на языке чероки, – Он принял соответствующую позу и издал несколько нечленораздельных стонов, чтобы просветить Натана. – Что по-английски означает: "Не хотите ли трубочку выкурить?" Но в большинстве своем они кочевники, которые понимают ценность земли не больше, чем мы – строение Луны. Ну, если не считать тех, кто думает, что она сделана из сыра. Нет, как я уже писал, их необходимо обучить основам сельского хозяйства и цивилизованной жизни, чтобы у них был хоть какой-то шанс на выживание.

– И все же они, похоже, неплохо справлялись на протяжении нескольких тысяч лет, – решил Натан процитировать слова своей матери, с которой в то время он, на самом деле, спорил.

– Что ж, это и есть прогресс, знаете ли, – ответил Имлей туманно.

– А разве они не сопротивляются?

– Случаи бывают... Но для тех, кто склонен к авантюрам, это только добавляет драматизма всему предприятию. На самом деле, отчасти этому посвящена моя вторая книга, "Эмигранты", которая была опубликована ранее в этом году в Лондоне. Вы можете ее приобрести, когда вернетесь... – Еще один тонкий намек? – Это роман. Приключенческая история с любовной линией. Некоторые абзацы, полагаю, могут шокировать наиболее чопорных читателей. Они содержат сцены насилия и разврата, описания наготы и непристойностей. "Скромная женщина, с которой сорвали одежду, шатаясь, вышла на улицу, ошеломленная и вся в синя-

ках, прижимая свои скудные лохмотья к обнаженной груди..." А избил ее собственный муж! У меня там все без прикрас.

– Вполне верю. А миссис Имлей его читала?

– Да, и я полагаю, что она одобряет мою искренность и отсутствие ханжества. В книге есть серьезная тема, сравнивающая свободу Нового света с лицемерием Старого. В ней говорится о равенстве между полами и содержится несколько резких замечаний в адрес института брака в том виде, в каком он практикуется в Европе.

– Однако вам это не помешало вступить в подобный союз...

Имлей бросил на него резкий взгляд.

– Мэри исключительная женщина, – Натан поклонился в знак согласия с этим утверждением. – И обстоятельства у нее тоже исключительные. Англичанка, живущая в Париже, – ее положение было очень деликатным, и это мягко сказано. Я счел своим долгом предложить ей защитить себя, взяв мое имя, ведь я американский гражданин.

Из этой фразы нельзя было сделать вывод о том, что они действительно состояли в браке. Натан некоторое время молча обдумывал это, но не нашел дипломатичного способа задать соответствующий вопрос.

– А мадам Сетон? – спросил он через некоторое время. – У нее тоже деликатная ситуация?

– Более чем. Крайне опасная. Если бы открылось ее настоящее имя... – Имлей понизил голос, хотя вряд ли их кто-то мог слышать. – Ее муж – Раймон де ла Тур Овернь, граф Тюренн, – Он внимательно наблюдал за выражением лица Натана, но, обнаружив лишь вежливый интерес, добавил: – Это одна из самых уважаемых семей Франции. Потомки того великого Тюренна, что командовал французскими армиями во времена Людовика XIV и считался самым выдающимся военным своего времени.

– А теперешний граф унаследовал его гениальность?

– Увы, он всего лишь царедворец. Сейчас он находится при дворе в изгнании, в Кобленце.

– А жена не смогла к нему там присоединиться?

– Это было бы непросто. Кроме того, – сказал он с ехидной улыбкой. – мне кажется, что обе стороны не горят желанием воссоединиться, – Удивленный Натан слегка приподнял бровь. – Я могу сказать вам по секрету, что этот брак можно рассматривать как пример всего мерзкого в этом социальном институте, как я и описал в своем романе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.